

H. As.

Lapinski

4580 2

Карские

ЗАПИСКИ

И

ЗАМѢЧАНІЯ

О СИБИРИ.

МОСКВА.

1837.

13411/10

ЗАПИСКИ
И
ЗАМѢЧАНІЯ
О СИБИРИ.

Сочиненіе

.....Ы ОЙ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СТАРИННЫХЪ РУССКИХЪ ПѢСЕНЪ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1837.

Г. м. 5176

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ
Ценсурный Комитетъ при экземпляра. Москва. Октября
13 дня 1835 года.

Ценсоръ *М. Каченовскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ книгѣ авторъ не можетъ выразить себя; но какого-бы рода ни была она, всегда забрасываетъ онъ въ нее, мимоходомъ, самъ не замѣчая того, нѣсколько искръ своего нравственнаго бытія, какъ природа вкрапляетъ въ простой камень нѣсколько драгоценныхъ, свѣтлыхъ блесковъ, окружавшихъ его, когда онъ скрывался еще въ темныхъ нѣдрахъ земли. Что есть сущность? Само-ли вещество, получившее блескъ и цѣнность отъ постороннихъ окропленій, или онъ, эти сроднившіяся съ нимъ и уже безразлично составляющія его частицы, копорыхъ блескъ напоминаетъ что-то высшее простыхъ образованій земли? Не знаю. Но невольно пробуждались во мнѣ эти мысли, когда читалъ

*

я *Записки и Замѣчанія о Сибири...* Въ самомъ дѣлѣ спранно, что при такомъ предметѣ, гдѣ читатель вправѣ ожидать только замѣчаній Географическихъ, Статистическихъ и Этнографическихъ, онъ меньше всего найдетъ ихъ, и вѣрно будетъ благодарить за это милую сочинительницу. Въ нашъ *псевдонимическій* стѣкъ не рѣдкость встрѣпить книгу, гдѣ спранностью имени автора или даже чешко напечатанное имя женщины-сочинительницы не введетъ въ заблужденіе никого. Но въ предлагаемой читателю книгѣ, онъ, послѣ нѣсколькихъ страницъ, убѣдился, что ее писала женщина, и даже не свѣтская, не имѣющая никакихъ приязаній на авторство. Скажу больше: я имѣлъ порученіе дополнить и даже переправить эту книгу, но я не сдѣлалъ этого, и она передъ глазами читателя въ томъ видѣ, въ какомъ вышла изъ-подъ пера сочинительницы. Что прибавили-бы для достоинства сочиненія ея нѣсколько мершвыхъ чиселъ, нѣсколько лишнихъ подробностей? Но еще меньше нужны были всѣ передѣлки, оглаживанья, вспавки, исключенія, для пошлыхъ литературныхъ приличій. Я думаю и надѣюсь, читатели согласятся со мною, что именно простота описаній, искренность подробностей и поэзія патриархальной жизни старинной Сибири составляютъ истинную прелесть этой книги. Нѣкоторыя страницы, на примѣръ описаніе сва-

дебныхъ обрядовъ, гаданій, ворожбы, спариннаго быша, предспавляющъ такую поэзію, какой не найдемъ у многихъ нынѣшнихъ поэшовъ. И эпо сполько-же въ самомъ предметъ, сколько въ помъ, какъ онъ описанъ. Холодный умъ, свѣпскій взглядъ, малѣйшая изысканность и, если можно сказапъ, манерность испорпили бы шупъ все. По эпому-по, сохраняя описанія сочинительницы во всей полнопъ, я не приводилъ въ порядокъ замѣчаній ея и даже не исключалъ повпореній. Не система, а просподушіе, сила чувства и прелестъ предмета соспавляющъ доспоинспво эпого сочиненія.

Для незнающихъ хорошо Сибирскаго быша замѣчу, что, можетъ быть, нигдѣ, кромѣ Сѣверной Россіи, не сохранилась такъ *старая Русь*, какъ въ Сибири. Не удивительно: первыми переселенцами въ нее были жипели сѣверныхъ областей Россіи, куда не доспигала ни Тапарская плепъ, ни Польская спъсь, ни Французскій вѣкъ знаменипаго Людовика XIV.

Въ концъ приложено собраніе спаринныхъ пѣсенъ, копорое опличаепся вѣрностью списковъ и конечно будетъ оцѣнено знапоками.

К. П.

ЗАПИСКИ И ЗАМѢЧАНІЯ

О

СИБИРИ.

Съ удовольствіемъ слышу я, что многіе образованные люди пишутъ о разныхъ частяхъ Сибири. Чтобы описать всю Сибирь, ея произведенія, народы, населяющіе ее, ихъ обряды, преданія, надобно посвящать на это жизнь свою. Я буду напропивъ говорить только о томъ, что видѣла, и не съ нѣмъ, чтобы попасть въ число писательницъ. Мы пріятно вспомнимъ о той странѣ, гдѣ прошли лѣта моей молодости. Я жила въ Сибири около тридцати лѣтъ.

Сибирью называютъ пространство, заключающее въ себѣ четыре губерніи: Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую. Къ Иркут-

ской губерніи причисляются Якутская и Камчатская области. Прежде причисляли къ ней и Пермскую губернію; да и въ самомъ дѣлѣ Пермская губернія сходствуешь болѣе съ Сибирью, нежели съ Россією; но я собственно буду говорить объ Иркутской губерніи.

Въ Иркутскѣ полагають около шестнадцати тысячъ жителей. Чиновники, купцы, мѣщане и цеховые составляютъ его народонаселеніе.

Въ Иркутской губерніи нѣтъ помѣщичьихъ крестьянъ. Мѣстоположеніе города Иркутска прелестно, особливо когда подъѣзжаешь къ нему изъ Россіи. Лѣпомъ надобно переѣзжать Ангара на *карбазъ* (такъ называютъ тамъ плоскодонное судно, въ родѣ барки). Ангара вытекаетъ изъ озера Байкала, верстъ за шестидесятъ отъ Иркутска. Она соединяется близъ города съ Иркутомъ и обтекаетъ Иркутскъ. Это прекрасная судоходная рѣка; вода въ ней чистая, дно каменистое; въ Иркутѣ дно песчано-глинистое, вода гораздо теплѣе, и при соединеніи этихъ рѣкъ, каждая сохраняетъ свой цвѣтъ; въ Ангартѣ вода свѣтлая, прозрачная, отъ глубины кажется синяго цвѣта, а въ Иркутѣ отъ глинистой почвы дна вода мутная, красноватаго цвѣта. Иркутъ леденѣетъ; онъ становится и вскрывается прежде Ангарты, которая очень быстра, становится въ Декабрѣ и вскрывается въ Мартѣ. За рѣкой виденъ обширный лугъ,

а вдали Вознесенскій монастырь, въ кошоромъ
 мощи перваго Епископа Иркутскаго Иннокен-
 тїя. Каждый изъ жителей города нѣсколько
 разъ въ годъ идешь пуда помолишься угоднику.
 Монастырь хорошо выстроенъ и богато укра-
 шенъ. Въ немъ при церкви каменные и одна де-
 ревянная, въ кошорой служилъ Иннокентій и
 гдѣ прежде лежали мощи его. Въ 1805 году они
 перенесены въ Вознесенскую церковь и положе-
 ны въ великолѣпную серебряную раку. Церкви
 украшены серебряными вызолоченными иконами;
 кельи каменные. Далѣе по берегу возвышающа-
 горы, одѣшья зеленѣющимъ лѣсомъ, при подо-
 швѣ кошорыхъ разбросаны деревни.

Жители Иркутска почти всѣ бръютъ боро-
 ду и спригутъ волосы, не носятъ Русскихъ
 кафтановъ, и даже чернѣй народъ носитъ лѣ-
 шомъ халапы, а зимою пулупы, крытые кишай-
 кою или нанкою; лѣшомъ круглыя шляпы и
 карпузы, а зимою шапки и мѣховыя карпузы.
 Оплічишельный нарядъ женщинъ нисшихъ сосло-
 вїй—покрывало, кошорое онѣ называютъ *накид-*
кою. Накидки бываютъ обыкновенно ситцевыя; но-
 сятъ и *канаватныя*, съ золошомъ. Прежде были
 накидки канаватныя рублей по сшу; и теперъ

многія за спыдъ почипаюшъ выйдши изъ дому безъ накидки. Обыкновенную одежду женщинъ изъ проспаго народа соспавляюшъ: рубашки съ широкими рукавами и узенькими запяспьями (у пожилыхъ женщинъ бываешъ у рубашекъ высокій воротъ и широкій ворошникъ), юшка и душегрѣйка или шушунъ. *Шушуны* бываюшъ различныхъ покроевъ. Голову повязываюшъ плапкомъ. Прежде всѣ купчихи носили юпки и кофшы, а на головахъ плашки; плашки были парчевыы, глазеповыы, шканые, съ золошыми коймами, шипыы золопомъ, бипью, канипелью; бывали плашки по спу пшпидесяши рублей; дома носили въ доспашочныхъ и бѣдныхъ домахъ бумажныы вязаныы калпаки. Нынѣ всѣ молодыя женщины, купчихи, одѣваюшся шочно шакъ-же какъ и въ сполицѣ. Кшо прѣдешъ прямо изъ Москвы или Пешербурга, шощъ мало замѣшишъ разницы въ одеждѣ; за шо его слухъ жеспoko поспрадаешъ ошъ шамошняго выговора. Въ богатыхъ купеческихъ домахъ женщины съ давнихъ временъ подражали споличнымъ модамъ, и нигдѣ болѣе, я думаю, не сохранились наряды прабабушекъ. Въ маскарадахъ вспрѣчаеше роброны, фуры, на головахъ кораблики; мужчинъ видише въ спаринныхъ Французскихъ кафшанахъ. На женскіе наряды употребляли прежде шшофъ Французскій, Кипайскій, шшофъ по саржирону. Въ другомъ мѣспѣ я упомяну о разныхъ нарядахъ,

и названіяхъ разныхъ матерій, которыхъ имена скоро исчезнушъ.

Вообще во всей Сибири живутъ очень чисто. Полы въ домахъ не крашеные, исключая немногіе дома; но ихъ такъ чисто моютъ, что они кажутся даже палевыми. Вымывши полъ, спелютъ холстины, сшивыя во всю комнату, напягиваютъ ихъ и приколачиваютъ гвоздями, а сверху поспилаютъ ковры, или пестрыя, узкія, полосатыя холстины, которыхъ бываютъ также бѣлыя холщевыя, клѣпчатыя, полосатыя, шканыя пополамъ съ шерстью. Это издѣлія крестьянокъ тамошнихъ; онѣ красятъ пряжу и шерсть въ разные цвѣта правами, иногда такъ хорошо, что шканы не линяютъ. Конечно, все это въ грубомъ видѣ; но замѣчу, что если-бы кто взялся испытать права, то, кажется, можно-бы имѣть изъ нихъ хорошія краски. Начиная съ комнаты, вездѣ найдете чистоту: въ кухнѣ, въ погребѣ, въ банѣ, и даже до такого излишества, что моютъ дома снаружи.

Въ Иркутскомъ уѣздѣ хлѣбъ вообще родится хорошо. Въ доказательство скажу, что въ обыкновенные урожайные годы цѣна ржаной муки отъ сорока до шестидесяти копѣекъ. Землю никогда не удобряютъ, но по доспапочному количеству оставляютъ на годъ или на два. Всѣхъ родовъ хлѣбъ родится тамъ хорошо, какъ-то: рожь, пшеница, овесъ, ячмень, грѣчиха, про-

со, котораго сѣютъ мало; пшеницы озимой не сѣютъ; конопля родится хорошо, а льну сѣютъ мало: онъ не всегда хорошо родится. Холщы дѣлаютъ изъ поскони. Подгороднія крестьянки прядутъ изъ пеньки много самыхъ тонкихъ веревочекъ, которыя называютъ *мотузъ*; его много расходится для вязанья бѣлки и для неводовъ и сѣтей. Овощи родятся изобильно, какъ-то: коршфель, свекла, морковь, рѣпа, рѣдька, лукъ, пуспарнакъ, пепрушка, селлерей, укропъ, чаберъ, шалфей, мята, зоря, салапъ разныхъ родовъ; дыни и арбузы сажаютъ въ парникахъ; огурцы родятся, но не въ такомъ изобиліи, какъ въ Россіи; тыквы родятся довольно хорошо. Около города сажаютъ табакъ и хмѣль; они хорошо родятся. Поля и лѣса покрыты цвѣтами. Нѣкоторыя назову я, какъ называютъ ихъ въ Сибири: *Сарана* разныхъ родовъ. Это родъ лилей; имѣетъ луковичный корень, который Буряты употребляютъ въ пищу, особливо за Байкаломъ; они осенью роютъ его, заготовляя на зиму, и варятъ изъ него родъ каши; уверяютъ, что это довольно вкусная пища. Полевой макъ, аспры, гвоздика, колокольчики, *жаркіе* цвѣтки, кукушкины сапожки, лютикъ синій и бѣлый, множество другихъ цвѣтовъ; есть много бальзамическихъ и полезныхъ травъ, особливо около Байкала. Тамъ есть травы очень сильныя, и если ихъ много употребляютъ, то онъ

вредны; шаковы: брунецъ, воронецъ, черногривъ, дикій перецъ и множество другихъ. Лѣса состоятъ изъ слѣдующихъ родовъ деревъ: сосна, липяница, береза, ольха, пихта, осина, кедръ, пополь, черемуха, калина, рябина, дикая яблонь, ива, боярышникъ; нѣтъ липы, дубу, вязу и фруктовыхъ деревьевъ. Кустарники: шиповникъ, паволожникъ (или *таволга*), багульникъ, дикій розмаринъ, золотарникъ. Около Байкала и близъ селенія Тунки распещъ можжевельникъ двухъ родовъ. Ягоды: смородина черная и красная, малина, клубника, земляника, голубица, черница, княженика, косяника; около Байкала есть морошка; брусники очень много, особливо по хребту горъ, окружающихъ Байкалъ; клюквы мало. Съ Лены привозятъ ягоду, копорой я нигдѣ не видала, кромѣ Иркутска: это *обльпиха*; цвѣтомъ она оранжевая, величиною съ барбарисъ, и косячки ея похожи на барбарисовыя. Пышались разводить плодовицыя деревья; привозили, напримѣръ, изъ Россіи яблонныя и грушевыя; они принялись, цвѣли, но не было плодовъ; прививали къ дикимъ яблонямъ, но не было успѣха. Впрочемъ, для охопника есть возможность имѣть плодовицыя деревья въ грунповыхъ сараяхъ. Барбарисъ и крыжовникъ хотя росли, но плодовъ не было.

По лѣсамъ много разныхъ родовъ грибовъ, груздей и рыжиковъ.

Въ безконечныхъ лѣсахъ Иркутской Губерніи водятся разные звѣри, какъ то: медвѣди, волки, соболи, лисицы, росомахи, бѣлки, векши, лещи, барсуки, хорьки, кропы, зайцы, кролики, ласпочки, бурундуки, дикія козы, кабаны и кабарга. Изъ птицъ: глухіе пещерева, обыкновенные пещерева, рябчики, кулики, дикіе голуби, кукушки, курапашки, драхвы; около рѣкъ и озеръ разныхъ родовъ утки, крохали, шурпаны, гагары, рыболовки, гуси, лебеди, журавли, цапли; изъ хищныхъ птицъ: разныхъ родовъ ястребы, коршуны; изъ пѣвчихъ: синицы, снгири, клесты, щуры, зяблицы, малиновки, ласпочки, чечетки; изъ мѣлкихъ обыкновенныхъ: пшкы, сприжи, воробьи; есць совы и филины; много воронъ и сорокъ.

Домашній скотъ, такъ же, какъ и вездѣ въ Россіи, состояющій: коровы, овцы, козы, свиньи, лошади. Рогатый скотъ пригоняютъ болѣе изъ Красноярска. Буряты имѣютъ большія стада, но скотъ ихъ мѣлокъ и не пущенъ. У Бурятъ Забайкальскихъ скотъ лучше, но его трудно доставлять въ Иркутскъ; зимой иногда привозятъ отъ нихъ говядину тушами. Дворовыя птицы: куры, утки, гуси, индѣйки; послѣднихъ мало водятъ. Рѣки изобилуютъ рыбой; въ нихъ есць: паймени, сига, лини, окуни, хариузы, щуки, караси, пискари, язи, сороки, налимы; но главное продовольствіе Иркутска и его уѣздовъ состоя-

вляющъ омули. Эша рыба родъ сельдей и видомъ на нихъ похожа; она очень вкусна, особливо кто къ ней привыкъ. Главный ловъ ея въ Августъ. Переправясь черезъ Байкаль, къ рѣкѣ Селенгѣ, копорая впадаетъ въ Байкаль, промышленники являющся съ запасомъ бочекъ и соли, а женщины для чищенья рыбы. Чешуи съ нея не счищающъ, а только распластываютъ самую рыбу, вынимающъ изъ нея внутренность и отдѣляютъ икру, копорую солятъ и кладутъ въ мѣшки и кадушки. Омули, копорые ловящся позже, называющся *котцовыми*; они не такъ вкусны, но икра ихъ очень вкусна. Еще ловятъ омулей зимою, въ селеніи Бугульдейхъ; пошому и называющся они *Бугульдейскими*; ихъ продающъ зимою. Изъ Томска привозятъ зимою много свѣжей рыбы, какъ шо: осепровъ, сперлядей, *нельмы* (бѣлорыбицы), муксуновъ. Но я еще обращусь къ омулямъ, эшимъ сельдямъ Иркутскимъ. Всѣ жишели, богашые и бѣдные, любятъ ихъ, и когда привозящся первые омули и икра, шо всѣ идущъ на берегъ *покупать омулей и икры свѣжаго засолу*. А какъ вездѣ большую часть народонаселенія составляютъ люди небогашые, шо бѣдныхъ болѣе нежели богашыхъ идетъ покупать омулей и икры. Мужчины, женщины, дѣти несутъ омуль или два и икры копѣйки на двѣ, въ капустномъ листѣ. Я еще помню, что лѣтъ

придцать пять тому назадъ, бочка омулей продавалась по тринадцати рублей; въ бочкѣ обыкновенно бываетъ тысяча или не много болѣе; но лѣтъ за пятнадцать цѣна возвысилась до шестидесяти рублей. Изъ Баргузина и Олхона привозятъ юколу и порсу; первая болѣе дѣлается изъ щукъ и сига. Изъ сига дѣлаютъ ее слѣдующимъ образомъ: цѣлую рыбу, расплававши, надрѣзываютъ поперекъ и вялятъ на солнцѣ; щуку только расплавываютъ и вялятъ. Порсу дѣлаютъ изъ окуней и другой мѣлкой рыбы, но едятъ сушатъ рыбу кусками, вмѣстѣ съ икрой. Порсу употребляютъ въ поспы для щей, какъ снядки въ Россіи. Еще привозятъ, хотя въ небольшомъ количествѣ, изъ Томска, небольшую рыбку муксуны, сушеную, копорую болѣе подаютъ на закуску. Когда привозятъ зимою изъ Томска осепровъ, то всякій, кто можетъ, заготовляетъ эту рыбу въ прокъ дома, а соленой хорошей рѣдко можно достать въ рыбномъ ряду. Лѣтомъ привозятъ живыхъ осепровъ, но они не дешевы, и потому этимъ могутъ пользоваться только люди богатые.

Судя по тому, что я говорила о произведеніяхъ Иркутска и его уѣздовъ, не лѣзя называть этихъ мѣстъ голодными; тамъ едятъ все нужное, кромѣ предметовъ роскоши; нѣтъ ананасовъ, апельсиновъ и другихъ фруктовъ; нѣтъ яблоковъ и

даже вишень; но это не составляет народна-
го продовольствія. Иной, живши и въ Россіи,
сроду не ѣлъ апельсиновъ, абрикосовъ. Также до-
вольно дороги въ Иркутскъ вещи, привозныя
изъ Россіи, попому что дорого сподитъ про-
возъ; но человекъ доспапочный можетъ имѣть
все: варенье, обсахаренные плоды, сухіе фрук-
ты, вина; даже шампанское и ромъ въ Иркут-
скъ не рѣдкость, но все это очень дорого. За
то есть много вещей, копорыя довольно деше-
вы, особливо все нужное для домашняго про-
дольствія. Въ урожайные годы мука ржаная
отъ 40 до 70 копѣекъ за пудъ; пшеничная хо-
рошая отъ 1-го рубля 60 коп. до 2-хъ рублей;
говядина отъ 2-хъ до 3-хъ рублей за пудъ;
масло коровье отъ 16 до 20-ти рублей; коно-
пляное 30 коп. за фунтъ; масло изъ кедровыхъ
орѣховъ рубль фунтъ; крупа ячменная отъ
двухъ съ половиною до трехъ рубл. пудъ; возъ
сѣна отъ пяти до восьми рублей; сажень
дровъ однополѣнныхъ, лучшихъ березовыхъ 5 р.,
сосновыхъ 2 р. 50 коп. и три рубли.
Овесъ продаютъ не чепвертями, но мѣшками;
мѣшокъ, въ копоромъ около трехъ чепвериковъ,
сподитъ 2 или 3 рубли. Овощи продаютъ так-
же мѣшками; мѣшокъ, слишкомъ два чепверика
картофелю, 8 гривенъ и рубль, свеклы и мор-
кови 7 и 8 гривенъ, рѣпы 40 и 50 копѣекъ;
капусты сопня 4 рубли. Масло коровье, коно-

пьяное и орѣховое продаются *безмѣнами*; безмѣнъ составляетъ два фунта съ половиною.

Каждый народъ пріискиваетъ въ произведеніяхъ своей земли не только нужныя вещи, но и лакомства, свойственныя мѣсту его жительства. Простой народъ въ Иркутскѣ весной лакомится *сосновымъ сокомъ*. Вы спросите, что это такое? Весной женщины, которыя этимъ промышляютъ, идутъ въ лѣсъ, счищаютъ кору съ сосновыхъ деревьевъ, и тонкою проволокою сдираютъ находящіяся подъ корою пластны, полциною въ карпузную бумагу, вершковъ въ шесть длины и вершка 3 ширины; это называютъ *сокомъ*. Многія продаютъ его рубли на при въ день. Его носятъ по улицамъ женщины и кричатъ: кому надо соку? Услышавъ это, призывъ, дѣти бѣгутъ покупать сокъ, да и взрослые всѣ ѣдятъ его, говоря, что онъ здоровъ. Другое лакомство простаго народа: *выжимки* изъ кедровыхъ орѣховъ. Когда дѣлаютъ масло, остатки эти называютъ *избойной*, продаютъ ихъ фунтами, или дѣлаютъ маленькія лепешечки, и продаютъ по копѣйкѣ, иногда и дороже. Сухую черемуху мѣлютъ мѣлко, обвариваютъ кипяткомъ, прибавляютъ сахару или меду и пекутъ съ этой начинкою пироги; это очень вкусно. Еще есть лакомство или лучше сказать забава: берутъ смолу съ лисьяницы, кладутъ ее въ горшокъ и спавяютъ

въ легкій жаръ на нѣсколько часовъ; вынувши, проспуживаютъ и продаютъ кусками или лепешками. Приготовленную такимъ образомъ, называютъ ее *сѣрою* и жуютъ, наиболѣе женщины почти всѣхъ сословій; но въ хорошихъ домахъ спыдятся *жевать*, особливо при постороннихъ. Хотя это не слишкомъ хорошая привычка, но въ Индіи также любятъ жевать *бетель*, а въ Испаніи курятъ сигары. Вездѣ свои обычаи!

Въ Иркутскѣ два госпінныхъ двора наполнены разными товарами. Тутъ есть все, начиная отъ предметовъ роскоши, до самыхъ грубыхъ издѣлій; но нѣтъ такого раздѣленія лавокъ, какъ въ Россіи. Въ одной лавкѣ найдете вы сукно, шелковыя матеріи, холстъ, чай, сахаръ и разныя мѣлочи. Кромѣ этихъ рядовъ есть лавки, гдѣ прежде былъ базаръ, который переведенъ въ другое мѣсто и обнесенъ заборомъ. На базарѣ продаютъ крупу, орѣхи, бруснику, калачи, разныхъ сорповъ булки, ржаной хлѣбъ, сусло, вареное съ брусникой и черемухой, разные припасы. Въ Иркутскѣ нѣтъ овощныхъ лавокъ въ домахъ. Тутъ-же на базарѣ есть родъ лавочекъ, копорыя называютъ балаганами, и въ нихъ продаютъ свѣчи, мыло, сѣру горючую и лиспвяничную (копорую жуютъ) и разныя мѣлочи. Зимой тутъ женщины продаютъ молоко замороженое. Я нигдѣ, кромѣ Иркутска, не видала, чшобы

продавали молоко *кругами* и *кусками*. Многіе говорятъ, когда рассказываешь объ этомъ, что мороженое молоко не хорошо для употребленія; напрошивъ, я нахожу это достойнымъ подражанія. Вотъ какъ это дѣлается: зимою, когда есть лишнее молоко, которое хотѣютъ сберечь, выливаютъ парное въ чистую каспрюлю, кладутъ въ него чистую лучинку и выставляютъ на морозъ. Черезъ нѣсколько часовъ оно замерзаетъ; тогда вносятъ его въ тепло, даютъ не много оптаятъ и за лучину вынимаютъ изъ каспрюли; потомъ опносятъ опять на холодъ и кладутъ въ чистую кадушку, которую закрываютъ, чтобы молоко не выприлось. Когда нужно употреблять, приносятъ его и распаяваютъ. Не только молоко, но и сливки можно сохранять такимъ образомъ болѣе мѣсяца.

Иркутскъ можно почесть средопочіемъ и складочнымъ мѣстомъ Сибирской торговли. Всѣ товары, идущіе изъ Россіи, проходятъ черезъ Иркутскъ въ Кяхту, Якутскъ, Охотскъ, Камчатку. Изъ Россіи идутъ для Кяхты сукна, мерлужки, кошка, Нѣмецкіе бобры, корсакъ, юфть, сафьянъ, козелъ; также издѣлія нашихъ фабрикъ: запрапезъ, плисъ, зеркала, красные ко-

раллы, копорые Кипайцы и Русскіе купцы называютъ *маржанъ*. Изъ пушныхъ поваровъ, копорые доставляютъ Сибирь, промѣниваются Кипайцамъ: бѣлка, лисица, низкіе соболи, хорьки; бобры и выдры идутъ черезъ Американскую Компанію. Опъ Кипайцевъ получаютъ: чай разныхъ сорповъ, какъ-то байховый, черный, сквозникъ, цвѣпочный разныхъ сорповъ, зеленый и кирпичный, сахаръ леденецъ, часъ китайки, дѣбы, канчи, фанзы, чанчи, флеръ, урубки, небольшое количество фарфору и деревянной, крышой лакомъ посуды, разные сухіе фрукты, виноградъ, плоды, табакъ куришельный. Есть еще много поваровъ, промѣниваемыхъ опъ Русскихъ купцовъ и вымѣниваемыхъ опъ Кипайцевъ; но я не упоминаю обо всемъ подробно, ибо не смѣю взявъ на себя описывать такой важный предметъ. Если-бы кто изъ господъ торгующихъ взялъ на себя трудъ описать нашу торговлю съ Кипайцами, это было-бы весьма любопытно.

Въ Якутскъ отправляютъ повары, получаемые изъ Россіи, также разныхъ сорповъ чай, сахаръ леденецъ, ромъ и разныя вина, муку ржаную и пшеничную, сухари, пряники, крупу, свѣчи восковыя, масло коровье и деревянное, табакъ, мыло, свѣчи сальныя. Опшуда вывозятъ бѣлку, соболей, разныхъ родовъ лисицъ, медвѣдей, песцовъ бѣлыхъ и голубыхъ, мамонтовую

кость. Частъ поваровъ идетъ въ Охотскъ, въ Камчатку, въ Ижигинскъ, въ Зашиверскъ и другія мѣста; опшуда получающа пѣ же пушныя повары, о копорыхъ упомянуто выше, кромѣ мѣлочей, вывозимыхъ болѣе каждымъ для себя, каковы наримѣръ перчапки разныя, очень хорошо вышитыя; изъ Камчатки и Ижиги чулки ровдужныя, пѣрки, камлейки, унты *, нипки изъ жилъ и моржовыя клыки. Изъ Енисейска получающъ бѣлку и небольшое количество другихъ пушныхъ поваровъ, также холстъ, унты, рукавицы, нипки, калпаки бумажныя, вязаныя чулки. Изъ всѣхъ поваровъ, проходящихъ черезъ Иркутскъ, оставляющъ нужное количество для города, а прочіе отправляющъ въ уѣздные города. Если чего не лзя имѣть въ Иркутскъ, то это свѣжихъ плодовъ; все другое можно достать. Есть много предметовъ промышленности, копорыя совсѣмъ другимъ образомъ производятся нежели въ Россіи. Народъ привыкъ къ этому порядку вещей; наримѣръ, въ Иркутскъ нѣтъ мучныхъ лавокъ; всякій покупаетъ въ торгавыя дни, на рынокъ, муку ржаную, пшеничную, крупу, овесъ; многіе заготовляющъ все это въ годъ, а кто не въ состояніи, пѣ покупающъ по немногу. Есть хлѣбныя казенныя магазины, изъ копорыхъ для бѣдныхъ отпуска-

* Мягкіе сапоги изъ шкуръ дикихъ козъ, мѣхомъ внутрь.

юшъ муку по пуду на семейство, дешевле базарной цѣны. Въ мясныхъ рядахъ, кромѣ говядины, можно купить всегда языки, спудень и проч., но баранины продаютъ очень мало, шеляпины нѣтъ; а если кому нужно, то покупаютъ шеленка и дома бьютъ. Нѣтъ пшичныхъ лавокъ, и если кому нужно, то берутъ пшцу въ домахъ; у всякаго, кто живетъ домомъ, есть дворовая пшца. На зиму, въ послѣднихъ числахъ Ноября, а иногда и раньше, смотря какова осень, бьютъ гусей, утокъ, куръ, индѣекъ, и вычиспивши, обледеняютъ каждую пшцу порознь, складываютъ въ кадки и засыпаютъ снѣгомъ. Такъ какъ зима бываетъ поспоянная, то пшца сберегается до Апрѣля и далѣе. Свинину и поросятъ всегда можно купить на рынкѣ; шечины не продаютъ на рынкахъ, а всякій заготовляетъ ее дома; иногда можно и купить въ домахъ. Погребовъ зеленыхъ нѣтъ; все нужное заготовляютъ съ осени; нѣтъ булочниковъ и нигдѣ не пекутъ кренделей и хлѣбовъ, такъ называемыхъ Французскихъ. На рынкѣ продаютъ калачи обварные и просыя булки, ржаной и пшеничный хлѣбъ; но по большей части пекутъ все это дома. Разнощиковъ нѣтъ никакихъ, кромѣ что весною и лѣтомъ женщины продаютъ лукъ, рѣдьку, сокъ сосновый, о которомъ я упоминала, и ягоды. Носятъ иногда каршофельную муку, которая тамъ

превосходной добропы , масло конопляное , оръ-
ховое , и оръховую избойну. Въ Иркутскѣ
также нѣтъ модныхъ магазиновъ. Кажется, что
смѣшная модиспка могла бы тамъ нажиться
порядочно. Кондипорскихъ и пракпировъ по-же
нѣтъ. Меня, когда я прѣхала въ Россію, изуми-
ло множесво вивѣсокъ, хотя я прежде и зна-
ла о нихъ.

Лѣтъ придцать назадъ въ Иркутскѣ вели
жизнь папріархальную. Хозяйки сами занимались
хозяйствомъ; въ семействахъ, гдѣ были жена-
тые брашья, невѣстки ходили поочередно въ
кухню, смолрѣвъ за приготоовленіемъ кушанья,
а дѣвицы разливали чай; весь домъ и хозяйство
завѣдывали сами хозяйки. При свашаньѣ за дѣ-
вицу никогда не спрашивали денегъ и приданаго;
всякій давалъ по своему соспоянію; не было
рядныхъ, и если кто просилъ денегъ, то такой
женихъ получалъ отказъ; говорили, что *хочетъ*
жениться на деньгахъ; и пошому женихи искали
полько , чтобы невѣстка была хороша лицомъ,
хорошаго характера и была-бы *хозяйка*. Дѣ-
вицъ съ малыхъ лѣтъ пріучали къ хозяйству.
Въ доспапочныхъ домахъ все заготовлялось въ
прокъ, годовое: мука, разная крупа, сѣмя коноп-
ляное, орѣхи кедровые, брусника, масло коровье;
на зиму заготовляли солонину, капусту многими
манерами , огурцы , грузди , рыжики , обварные
грибы, варенье разное, овощи, коренья; къ лѣшу

приготовляли вепчину, рыбу, языки, говядину провѣсную. Во многихъ домахъ макали свѣчи, два раза въ годъ: осенью и въ Маршъ; дѣлали свой солодъ; посылали служителей за дровами, за вѣниками; заготовляли на годъ дресву, то есть крупный песокъ: это вещь необходимая въ опряжномъ Иркутскомъ хозяйствѣ; ее доспаютъ на кость, или лучше сказать на Ангарской опмѣли, пропивъ города, или у Пепрушиной горы; шамъ копаютъ ее и промываютъ въ водѣ.

Купцы занимающіеся торговлею въ Кяхтѣ, ѣздящъ въ Якутскъ, Охотскъ и на ярмарки Нижегородскую, Ирбитскую и Ононскую. Съ Сентября ѣдутъ купцы сами, а нѣкоторые отправляютъ прикащиковъ въ Тунку, въ Баргузинъ, въ Илимскъ, въ Нижнеудинскъ и въ Верхнеудинскъ за покупкою бѣлки и пушныхъ поваровъ. Въ Ноябрь начинаютъ пріѣзжать съ поварями и тогда-же пріѣзжаютъ Буряты изъ Тунки, Каменки и Балаганска съ пушными поварями. Князьки ихъ привозятъ довольно большія партіи; къ нимъ ѣздящъ на кварширы смотрѣть бѣлку и другіе повары; простые звѣроловы, у которыхъ небольшія партіи, возятъ въ саняхъ и несятъ по домамъ бѣлку, медвѣдей, соболей, волковъ, лисицъ и спрую кабарожью.

Осенью и зимою въ купеческихъ домахъ вставаютъ очень рано; чай пьютъ со свѣчами, потому что съ разсвѣтомъ дня начинающіяся дѣла. Бу-

ряты стараются придти когда еще чуть на-
 чинаешь свѣшанъ, но всѣ знаютъ ихъ уловку,
 и обыкновенно заспавляющъ дожидаться совер-
 шеннаго разсвѣта; тогда смотрявъ поваръ и
 торгуются. Когда куплено довольное число бѣл-
 ки и другихъ поваровъ, то ихъ раздѣляютъ на
 соршы; бѣлку вяжутъ въ бунты, по двадцати
 бѣлокъ; этимъ занимаются многіе жители, такъ
 что бѣлковязаніе составляетъ особенное ремес-
 ло. Иногда въ одномъ купеческомъ домѣ вяжутъ
 бѣлку челоуѣкъ 10, 15 и 20. Они работаютъ
 всегда на хозяйскомъ хлѣбѣ, и ихъ кормятъ
 хорошо, даютъ чай, а передъ обѣдомъ, ужи-
 номъ и завтракомъ даютъ имъ по рюмкѣ водки.
 Связавши бѣлку, шуютъ въ шкуи и отправля-
 ютъ въ Кяхту, въ Москву или на ярмарки Ир-
 бицкую и Нижегородскую. Лучшая бѣлка по-
 числяется Баргузинская, Тункинская подгородная
 и Якутская; за тѣмъ слѣдуютъ Енисейская и
 Ленская. Соболѣи числятся лучшіе Баргузин-
 скіе, Нерчинскіе и Вишневскіе; они имѣютъ высо-
 кій волосъ и черныя цвѣтъ, но скоро опцвѣшаютъ;
 Камчатскіе не такъ черны, но не такъ скоро и
 опцвѣшаютъ. Соболей сортируютъ и разбираютъ
 на сѣроки; сѣроки дѣлятся на полусѣроки; связ-
 ка изъ двадцати соболей кладется въ кипайча-
 шый мѣшокъ, длиною прошивъ величины соболя,
 шириною вершковъ въ восемь; эти такъ назы-
 ваемыя сорочки дѣлаются обыкновенно изъ нелю-

щенной синей кипайки. Лисицы разбираются на десятки. Лучшие соболи отправляются въ Россію; Кипайцамъ промѣниваютъ низкіе соболи и шо въ небольшомъ количествѣ.

Въ Иркутской губерніи одна казенная фабрика: Тельминская суконная и при ней хрустальная. На нихъ работаютъ ссыльные; она въ хорошемъ устройствѣ. Частные заводы есть кожевенные, мыловаренные, свѣчные. Ремесла, которыми занимаются жители, не въ лучшемъ состояніи, потому болѣе, что люди богатые спарываютъ все нужное для себя выписывать изъ Москвы и Петербурга; однакожъ есть хорошіе ремесленники, какъ-шо: серебряники, мѣдники, кузнецы, столяры, скорняки, портные, сапожники, башмачники, плотники. Это я говорю о свободныхъ ремесленникахъ; но въ Иркутскѣ есть еще *рабочій домъ*, гдѣ находится опредѣленный комплексъ ремесленниковъ изъ ссыльныхъ. Тамъ можно найти почти всякихъ мастеровъ; даже есть часовщики и живописцы. По прошествіи положенныхъ лѣтъ, тѣ рабочіе, которые ведутъ себя хорошо, получаютъ дозволеніе селиться, и они уже населили такъ называемую Борисоглѣбскую слободу, которая составляетъ предместье города, близъ рабочаго дома.

Многіе изъ жителей мясники; изъ нихъ есть люди богатые; также много рыбаковъ, и они изъ роду въ родъ передаютъ свое занятіе; от-

купають рыбныя ловли и аршелями ловятъ рыбу; зимою продають ее въ рыбномъ ряду, а лѣтомъ на берегу, куда приплавляютъ ее въ лодкахъ. Есть ремесленники, копорые принадлежатъ тамошнему краю исключительно: это *ширальщики* и *звѣровщики*. Первые *ширятъ* въ кожи шовары, отправляемые въ Охотскъ и Якутскъ; вторые промышляютъ бѣлку, соболей, лисицъ и прочихъ звѣрей. Они уходятъ въ лѣса, по нѣскольку человекъ, въ извѣстные имъ мѣста, болѣе около Байкала; тамъ у нихъ построены избы, и шуда забирають они съ собой нужное количество хлѣба и другихъ припасовъ, берутъ собакъ, и живутъ мѣсяца по два; уходятъ въ первыхъ числахъ Сентября, а приходятъ въ Ноябрь. Собаки у нихъ простой породы, но очень злы; они берутъ ихъ главное для спереженія. Звѣрей ловятъ *кляпцами* или *спрѣляютъ*. Нѣкоторые крестьяне *спрѣляютъ* дикихъ козъ, также ловятъ *пленками* или *силками* *пшицъ*, спавятъ *кляпцы* на зайцевъ; но преимущественно этимъ занимаются Буряты. Многія женщины пекутъ сухари для Якутска, Охотска и Камчатки, ржаные и пшеничные двухъ сортовъ: простые и сдобные. Эти сухари не то, что разумють подъ названіемъ ихъ въ Россіи; это изъ пшеничнаго теста испеченныя, самыя маленькія булочки, копорыя высушиваютъ для того, чтобъ онѣ не поршились; ржа-

ные сухари бываютьъ ровными рѣзаными кусками. Крестьяне, живущіе по берегамъ Иркутша и Ангара, занимающа рубкою лѣса и дровъ. Весь лѣсъ, употребляемый на поспройку домовъ, плавишся по Ангарѣ и Иркутшу; но главныя лѣсныя ярмарки бываютьъ 8 и 20 чиселъ Іюля; особенно первая естъ маленькій праздникъ или, лучше сказать, развлеченіе для жителей. Кромѣ лѣса приплавляютьъ на плохахъ вилы, грабли, лопаты, лукошки, плетенныя и просто сшитыя изъ бересшы; также шуязки (такъ называютъ шамъбураки, копорые употребляютьъ въ Россіи для икры и меду). Ихъ дѣлаютьъ очень искусно и разной величины, опъ спакана до двухъ ведеръ; въ нихъ держашъ воду, квасъ, молоко, ягоды. Кто изъ Иркутскихъ, бывши ребенкомъ, не восхищался шуязками? Для дѣшей дѣлаютьъ ихъ писанные и съ рѣзбою, подъ копорую подкладываютьъ цвѣтныя лоскутныя и сверху покрываютьъ слюдою. Еще привозятъ на плохахъ мохъ, копорымъ конопашъ дома при поспройкѣ. Лѣтъ сорокъ назадъ всѣ дома спроились самымъ спариннымъ манеромъ. Обыкновенно дворъ обносили высокимъ заборомъ, чшѣ въ Иркутскѣ называютъ *заплотъ*; большія ворота были заперты засовомъ и опширались только для проѣзда экипажей; для пѣшеходовъ была сдѣлана калишка, у калишки задвижка, къ копорой привязывался ремешекъ. Если ремешекъ былъ продѣтъ на

улицу, по можно было поднятъ задвижку и опёрить воропа, а если выдернуть, по надобно было спучать; для этого придѣлывалось большое желѣзное кольцо, а подъ кольцомъ желѣзная же бляха, чшобъ слышнѣе было, когда спучать. Передній дворъ вымощенъ бывалъ досками. Дома были высокіе и строились въ два жилья: въ верху горницы, а нижнюю половину занимала кухня, копорую называютъ *шамъ подклѣтъ*, и кладовая, по шамошнему *подвалъ*. Если домъ былъ въ одно жилье, по низъ занимало *подполье*, родъ сухаго погреба, и подвалъ. Крыльцо дѣлали высокое, внизу обнесенное рѣшеткою, съ дверцами; на крыльцѣ были устроены лавочки; сѣни большія поже со скамейками кругомъ сѣтъ и съ двумя окнами. Лѣшомъ въ сѣняхъ обѣдали и ужинали. Посреди сѣней была дверь въ чуланъ, а позади чулана ходъ на верхъ. Въ иныхъ домахъ были мезонины, копорые называютъ въ Иркутскѣ *чердакъ*; они были по большой часпи холодныя. Горницы раздѣлялись сѣнями на двѣ половины; ихъ обыкновенно называли *задняя* и *передняя*; передняя на улицу, а задняя во дворъ. Изъ сѣней входили прямо въ горницу; шамъ на правой споронѣ изразчатая печь съ вычурами. Въ переднемъ углу спавили образа; передъ образами висѣли лампы съ восковыми свѣчами. Подъ ними въ углу спавили сполъ, крашеный го-

лубой, зеленый, или красный, съ бѣлыми краями; кругомъ были скамьи, копорыя послѣ замѣнили софами (обитыми кожей) и стульями. Комната обыкновенно раздѣлялась на двое; за перегородкой была спальня и стоялъ шкафъ съ посудой. Въ заднихъ комнатахъ помѣщались дѣти; иногда спарики хозяева уступали переднюю горницу женатымъ сыновьямъ, а сами жили въ задней. Трудно повѣришь, сколько помѣщалось людей въ двухъ, трехъ комнатахъ. Можно сказать, что гдѣ нынче шѣсно чепыремъ человѣкамъ, тамъ въ спарину жили десять человѣкъ, и были здоровы и веселы. Если не было кухни внизу, то она была выстроена во дворъ, и тогда называли ее *зимовьемъ*. Жизнь была также патриархальна, какъ и убранство комнатъ. Въ простые дни, вставши до свѣта, разумеется зимой, всѣ пили чай; мужчины зимой съ разсвѣтомъ, если семейство было большое. Послѣ этого, въ купеческихъ семействахъ, одни оставались дома, а другіе шли въ господный дворъ; но прежде завтракали, потому что рѣдко приходили зимою обѣдать, а если и приходили, то поздно. Обѣдъ въ простые дни, когда случалось много дѣла, былъ въ два часа; послѣ обѣда опять занимались всякій своимъ дѣломъ; часа въ чепыре пили чай, а часовъ въ восемь или девять ужинали. Послѣ ужина женщины и особливо дѣвцы сидѣли и шили. Гдѣ въ семействѣ было нѣ-

сколько дѣвицъ и женщинъ, шамъ всѣ шили сами
 бѣлье, плашье и разныя домашнія мѣлочи. Жен-
 щины въ Иркутскѣ большія масшерицы шили
 бѣлье, и щеголяли эшимъ одна передъ другою.
 Нигдѣ, я думаю, такъ хорошо не спешаюшъ
 одѣяль разными манерами; но въ домахъ досна-
 почныхъ не спешали дорогихъ одѣяль; на то
 были особенныя масшерицы и брали прежде
 рублей 30 или 40 за одѣяло; нынче эша работа
 стоишъ рублей сто или болѣе. Дѣвицы особен-
 но занимались разными рукодѣльями: вышивали
 шелками, золопомъ, фольгой, въ шамбуръ и
 гладью; вышивали разными узорами полошенцы;
 но главное занятіе было хозяйство. Въ большихъ
 семействахъ, какъ я уже сказала, ходили по-
 очередно въ кухню; но въ праздники или имени-
 ны шамъ забопились всѣ. Каждое Воскресенье
 ходили къ заупрени и къ обѣдни. Обѣдь въ
 праздники былъ рано. Послѣ обѣда спарики оп-
 дыхали, а люди молодые ѣхали кашашься или
 въ госпи. Даже въ богатыхъ домахъ вся при-
 слуга сосшояла изъ двухъ или шрехъ женщинъ:
 эшо были кухарка, горничная и при дѣшяхъ
 нянька. При такой чисшопѣ и порядкѣ, какой
 наблюдался во всѣхъ домахъ, не мудрено, что
 хозяйкамъ много было дѣла. Они не знали эконо-
 мокъ и сами занимались выдачею всего. Ни въ
 одномъ домѣ купеческомъ не было лакеевъ; дол-
 жностъ ихъ исправляли мальчики, копорыхъ

опдавали родипели или родспвенники для навика къ шорговлѣ. Такой мальчикъ, исправляя разныя порученія хозяевъ, долженъ былъ прислуживать и въ домѣ; это продолжалось два, при года. Если онъ оказывался вѣренъ и распороченъ, то ему поручали уже дѣла болышей важности, а мѣсто его занимали другіе. Для черныхъ работъ имѣли работниковъ, копорые исправляли и должностъ кучера. Когда бывали при домѣ дворникъ или два, ихъ называли *караульщиками*. Они сперегли домъ поочередно, днемъ и ночью. Зимой почти въ каждомъ домѣ жили въ работникахъ Буряты. Они приходили въ городъ осенью и жили до Мая; тогда опять уходили въ свои улусы. Они привыкли жить въ Русскихъ домахъ и всегда исправляли, какъ не лзя лучше, домашнія работы: ѣздили за дровами, рубили ихъ, возили воду, смопрѣли за скотомъ.

Около Иркутска множесиво лѣсу, и пощому, лишь едва спановилась зимняя дорога, многіе посылали работниковъ за дровами въ лѣсъ. Каждый день онъ долженъ былъ вспасть часа въ три пополуночи и ѣхать на двухъ или трехъ лошадяхъ. При трехъ лошадяхъ опправлялись двое, а на одной или двухъ одинъ, и ѣздили верспъ за 10 отъ города, или много за пятнадцатъ; къ двумъ часамъ возвращались съ дровами. Когда много было навезено дровъ, то весной нани-

мали Буряпъ рубить ихъ. У кого были двѣ лошади, шѣ могли въ зиму заготовить такимъ образомъ сажень 20 дровъ. Иногда весной нанимали Буряпъ рубить дрова въ лѣсу, и для этого назначали имъ удобное мѣсто верстъ за 15 или за 20 отъ города; они рубили дрова и клали полусаженями. Зимой перевозили дрова на своихъ лошадяхъ или нанимали крестьянъ перевезти ихъ. Случалось, хопя рѣдко, что половину такой заготовки крали охотники до чужаго.

Зимою живутъ въ городѣ много Буряпъ. Они тамъ опправляютъ ремесло маклеровъ или сводчиковъ. Многіе, сами перекупая у своихъ поваръ,носятъ его по домамъ, а обыкновенно принесутъ повару рублей на сто, и придетъ ихъ человекъ пашъ; но это болѣе все подгородные и бѣдные; жилищные изъ нихъ занимались скошоводствомъ и многіе земледѣльствомъ. Они доставляютъ большое количество сѣна; также ихъ промыселъ деревянная посуда. Они привозятъ чашки деревянные, корыты разной величины и ложки, которые называютъ въ Иркутскѣ *стѣальницами*.

Живущіе около Байкала привозятъ рыбу, орѣхи кедровые, ягоды (бруснику) и дичину. Женщины ихъ хорошо выдѣлываютъ овчины и шьютъ шубы, такъ что многіе Русскіе отдають выдѣлывать и шить ихъ. Они также покупають всякую вещь изъ стараго платья, особливо лоскутья

шелковые и суконные, а послѣ опвозяпть ихъ въ свои улусы. Женщины ихъ носяпть на шеѣ корольки разныхъ цвѣповъ; поясъ ихъ убранъ разными бляхами изъ олова, а у богатыхъ изъ серебра.

Живущіе около Балаганска привозяпть масло коровье; но его должно перешапливать для употребленія, попому что они наливаюпть его въ кожаные мѣшки и пузыри (которыя называюпть *чалпанами*), и опъ того оно имѣетъ дурной запахъ. Князьки ихъ называюпся *тайшами*; другіе чиновные люди *зайсанами* и *шуленгами*. Много естъ богатыхъ. Всѣ они ушверждаюпся въ чинахъ и званіяхъ Правительствомъ и имѣюпть кортики, но носяпть свое плащье.

Довольно спранно видѣпть ихъ на балахъ у начальниковъ въ ихъ шпофныхъ и бархашныхъ плащьяхъ, съ ихъ Азіяпской физіономіей.

Имянины праздновали въ Иркутскѣ обыкновенно вопть какимъ образомъ: ушромъ пекли множеспво пироговъ, сдобныхъ, изъ проспаго пѣспа, съ вареньемъ, изюмомъ, черносливомъ, винными ягодами, съ пшеномъ сарочинскимъ, капустой, морковью и другими начинками. Пироги разсылались къ родспвенникамъ по при и по чешыре пирога; гдѣ были маленькія дѣшпи, то клали маленькіе пироги по числу дѣшей. Разносили и развозили ихъ женщины. Вошедши въ комнапу, женщина молилась Богу, кланялась хозяевамъ, и посшавивъ пироги на споль, просила

пишъ чай къ имяниннику или обѣдашъ, какъ было приказано; попомъ оппправлялась въ другой домъ. У кого было много родни, шъ разсылали нѣсколько женщинъ съ пирогами. Знакомыхъ звали безъ опсылки пироговъ. Вечеромъ, когда прѣзжали госпи, подавали вина, попомъ кофе (хотя и не во время) и чай; къ чаю подавали женщинамъ каждой шарелку съ разнымъ пирожнымъ. Въ комнашъ, гдѣ сидѣли госпи, споялъ споль, успавленный вареньями и фруктами; мужчинамъ подавали послѣ чаю, вина и пуншъ. Они говорили о порговлѣ, о вновь полученныхъ извѣспіяхъ, о шомъ, что пишущъвъ газешахъ, копорыя многими получающъся. Иногда вечеръ оканчивался шанцами и ужиномъ, но никогда не видно было каршъ.

—

Лѣшъ за придцашъ, свадьбы оппправляли въ Иркушскѣ со многими обрядами. Какъ у бѣдныхъ, шакъ и у богатыхъ, сначала опецъ и мапъ совѣшовались между собою; попомъ призывали жениха, объявляли какую невѣспу назначающъ ему, и если она ему нравилась, шо собирали ближнихъ родспвенниковъ и совѣшовались съ ними; но это былъ уже шолько обрядъ, гдѣ объявляли, что намѣрены женишъ сына. Тогда изъ среды родныхъ назначали одного, кого по-

чипали способнымъ къ переговорамъ. Если назначаемая невѣста не нравилась, то женихъ могъ самъ избирать, только съ согласія родителей. Можешь быть, не много мѣстъ въ Россіи, гдѣ браки такъ безприспращны. Со стороны родителей и самого жениха почипали главнымъ, чѣмъ невѣста была хороша собою и кропкаго характера, и чѣмъ семейство ея было извѣстно съ хорошей стороны. Обыкновенно говорили: «Лучше взять безъ приданаго, но добраго роду.» Дочери сварливой женщины — могли спокойно сидѣть въ дѣвкахъ, потому что о нихъ говаривали: *«яблоко не далеко падаетъ отъ яблонки.»* Хорошей рекомендаціей почипалось и то, когда спаршая сестра, вышедши за мужъ, была хорошая хозяйка и почипительна къ спаршимъ въ семействѣ. Я упомянула уже, что о приданомъ никогда не рѣдились; всякій давалъ по своему соспоянію. Много есть пословицъ къ этому случаю, копорыхъ я не слыхала нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Напримѣръ: *«Платье на грядкѣ, уродъ на рукѣ. Не съ высокими жить хоромами, не съ частыми переходами, а жить съ человѣкомъ. Не жени сына на тещѣ, не отдавай дочери за свекра. Жена не скрипка, на спичку не повѣсишь.»* Последняя клонилась къ тому, чѣмъ мужъ могъ содержать жену. Дѣвицъ можно было видѣть у обѣдин, на сговорахъ, или у знакомыхъ; но никогда не дѣлали

смотровъ, какъ ведется во многихъ мѣстахъ Россіи. Почли-бы за обиду, если-бъ кто предложилъ такую невѣжливостъ. Иногда дѣлалось это, но *инкогнито*, т. е. приглашали невѣсту куда нибудь къ знакомымъ въ гости, гдѣ были женихъ; однако родители и невѣста не знали этого. Когда предварительно было все улажено, то свать отправлялся въ домъ невѣсты и дѣлалъ предложеніе. Обыкновенно съ одного раза не рѣшались, а просили *дать время подумать* и посоветоваться съ родными; это дѣлалось даже и въ такомъ случаѣ, когда не намѣрены были выдавать: считали невѣжливостію отказать съ перваго раза. Если-же считали союзъ приличнымъ, то приглашали ближнихъ родственниковъ, и посоветовавшись съ ними, назначали день *рукобитья*. Прежде никогда не спрашивали согласія невѣсты: она должна была повиноваться слѣпо волѣ родителей; теперь это уже вывелось. Въ назначенный день прѣзжалъ свать. Обрядъ рукобитья состоялъ въ томъ, что зажигали свѣчи у образовъ, молились Богу, и отецъ и мать, или пошъ, кто заступалъ ихъ мѣсто, давали руку свапу и пили за здоровье помолвленныхъ. Женихъ и невѣста не бывали при этомъ обрядѣ. На другой день прѣзжалъ свать, и назначали день сговора; до тѣхъ поръ помолвленные не могли видѣться. Въ день сговора родители, женихъ, свать и ближ-

ніе родспвенники прїѣзжали въ домъ невѣснѣ. Невѣснѣ, одѣшая какъ можно лучше, сидѣла, окруженная подругами, въ особенной комнаѣ. На сговоръ звали не только родныхъ, но и знакомыхъ. Въ другой комнаѣ спавили споль, покрывали его скапершью, и вокругъ убирали лентами, копорыя опускали феспонами; по угламъ прикалывали баншы. Весь споль успавляли конфектами и вареньями, копорыхъ иногда спавили до сорока шарелокъ; у бѣдныхъ спавили орѣхи, пряники, ягоды. Невѣснѣ выводили—прежде близкая родспвенница, а нынче опеѣ или маѣ. Она здоровалась съ прїѣзжими женщинами и спановилась на свое мѣспо. Тупъ подходилъ къ ней женихъ и здоровался; попомъ подходили прїѣхавшіе съ нимъ мужчины; попомъ женихъ дарилъ невѣснѣ, а она жениха; наконецъ онъ бралъ за руку невѣснѣ, и садились за споль. Прїѣхавшіе съ женихомъ госпи садились поже за споль: женщины по правую, а мужчины по лѣвую руку; дѣвицы начинали пѣть пѣсни. Сначала пѣли пѣсню жениху съ невѣснѣю, попомъ госпямъ по спаршинспву; между тѣмъ подавали вина, кофе, чай, пуншъ. Когда были пропѣшы всѣмъ прїѣзжимъ госпямъ пѣсни, то одна изъ дѣвицъ спавила на споль шарелку или подносъ, на копорый каждый изъ прїѣзжихъ госпей клалъ деньги: въ богатыхъ домахъ золошыя, серебряныя и ассигнаціи, а у бѣдныхъ мѣдныя. Про

свапа пѣли особенную пѣсню, въ которой его бранили. Посидѣвши часа два, госпи собирались домой; ихъ удерживали. Когда всѣмъ госпямъ пропѣны пѣсни, то пѣли про невѣсту. Послѣ опѣзда жениха начинали танцовать; иногда женихъ съ молодыми мужчинами прѣзжалъ танцовать на другой день. По утру онъ присылалъ невѣстѣ чаю, сахару и конфектовъ, а вечеромъ являлся со свапомъ и нѣсколькими изъ родспвенниковъ; шупъ назначали день свадьбы. Между шѣмъ женихъ ѣздилъ къ невѣстѣ, дарилъ ее разными вещами, а дѣвицамъ привозилъ конфектовъ. Когда онъ пѣли пѣсни, то обыкновенно давали имъ деньги. Рѣдко онъ прѣзжалъ одинъ; почти всегда съ нимъ являлись молодые мужчины. У невѣсты госпили подруги, и шупъ-то холоспые высмапривали невѣстѣ. Пѣсни пѣли обыкновенно дѣвушки и женщины, копорыя до самаго времени свадьбы шили ей приданое и прислуживали. Дѣвицы дѣлили между собою собранныя деньги, и иногда сборъ ихъ проспирался до 200 рублей. Дни за два до свадьбы невѣстѣ съ пѣснями расплешали косу и дѣвицъ дарили баншами изъ леншъ. Въ эпошъ день водили ее въ баню. Наканунъ свашьбы вечеръ назывался дѣвичьимъ вечеромъ или дѣвичникомъ. Прѣзжалъ женихъ съ тысяцкимъ, свахою и боярами. *Тысяцкій* обыкновенно былъ человекъ женатый и почешный, близкій; родспвенникъ, или

человѣкъ уважаемый въ семействѣ. Бояръ было трое или четверо; двое изъ нихъ назывались *малые бояре*, или *меньшіе*; это по-же, что нынѣ-че шаферы. Сваха была близкая родственница или коропкая знакомая. Въ дѣвичникъ опять сажались за столъ и пѣли пѣсни. Но шутъ садилась уже и невѣстина сваха, которую выбирали изъ родныхъ. Въ дѣвичникъ посѣщеніе было не продолжительно. По отъѣздѣ жениха, невѣсту усаживали за столъ вмѣстѣ съ подругами; дѣвицы пѣли пѣсни. Въ это время прѣзжали двое меньшихъ бояръ и привозили ларецъ и шуалепъ. Тогда пѣли пѣсню. Боярамъ подносили вина и дарили ихъ, смотря по соспоянію невѣсты, жилепами, перчашками, шелковыми чулками, или плапками. Ларецъ или *коробка* по-же, что въ Парижѣ свадебная корзинка. Тамъ, по соспоянію жениха, были болѣе или менѣе дорогія вещи; но обыкновенно находились: серьги, перспень, перчашки, ленпы, бѣлила, румяна, мыло, гребень, булавки, шпильки, помада, духи, вѣеръ, гребенка, цвѣпы, плапки ручные и одна или двѣ пары чулковъ и башмаковъ, изъ копорыхъ въ каждый клали по соболю. Приданое невѣсты обыкновенно отправляли по ушру въ день свадьбы. Когда все было готово, то обыкновенно присаживались и попомъ молились Богу, благословляли невѣсту образомъ, копорый отсылали съ приданымъ, и оставляли

только пуалешъ и ларчикъ жениховы; ихъ отсылали уже тогда, когда невесту везли къ вѣнцу. Съ приданымъ отправлялась женщина, которая убирала спальню и все приводила въ порядокъ; ее называли *постельница*; у ней были ключи отъ сундуковъ. Съ приданымъ посылали хлѣбъ-соль и сладкій слоеный пирогъ. Убранство въ спальнѣ было слѣдующее: кровать должна быть женихова; на постель надѣвали шелковую наволочку, клали простыню сверхъ нея, а если была зима, то теплое одѣяло: лисье, песцовое, или даже соболье; сверхъ его одѣяло канфовое или канчовое, вышитое въ узоръ; шесть подушекъ съ кисейными наволочками, обшитыми оборкой. Занавѣсъ была вещь тоже необходимая. У богатыхъ бывали занавѣсы Китайскіе, шипые или рисованные, канчовые, канфовые, или гарнипуровые; у бѣдныхъ бѣлые или ситцевые. Къ постелѣ принадлежали разныя вещи, какъ на примѣръ: шифли для жениха и башмаки спальныя или упреніе для невесты; шифли и башмаки бывали вышитыя золотомъ и серебромъ по карпѣ, или бархатныя вышитыя; халатъ для жениха и коропенькая шубочка для невесты, родъ нынѣшнихъ кацавеекъ, съ длинными рукавами. Еще непременно нужно было полощенце съ широкими кружевными концами или вышитое; попомъ уборный столъ, простой деревянный, съ выемкою въ сре-

динѣ; но его обшягивали розовой шафшой во-
 кругъ, а сверху шафшы кисеей въ при фалбалы,
 копорыя иногда обшивали кружевомъ. На него
 спавили шуалешъ съ зеркаломъ; по концамъ двѣ
 подушки на розовой шафшѣ, кисейныя; сверху
 эшихъ подушечекъ клали другія, вышитыя зо-
 лотомъ, и распавляли на сполікъ разныя ко-
 робочки, ящички Кипайскіе лаковые, чепки и
 подушечки душистыя, разныя рѣзныя коспяныя
 вещицы, духи и всѣ мѣлочи для дамскаго шуале-
 ша. По отправленіи приданаго начинали одѣ-
 вать невѣсту; надѣвая каждую вещь, невѣста
 креспилась. Когда все было готово, то благо-
 словляли невѣсту образомъ, и она прощалась съ
 опцемъ, матерью и подругами; ее сажали за
 споль, вокругъ котораго садились дѣвицы.
 Споль былъ покрытъ, какъ обыкновенно для
 обѣденнаго спола, и уставленъ купаньями и
 пирожнымъ; посрединѣ спавили большой хлѣбъ,
 а на него серебряную солонку съ солью. Между
 шѣмъ у воротъ обыкновенно караулили жени-
 ха, и когда только показывался поѣздъ его, то
 давали знать; дѣвицы вспавали изъ-за спола, а
 подлѣ невѣсты сажали маленькаго мальчика или
 дѣвочку, *продавать косу*. Женихъ пріѣзжалъ съ
 тысяцкимъ, боярами и свахой; впереди шелъ
 богоносъ съ образомъ, обыкновенно небольшой
 мальчикъ, родственникъ. Поѣздъ невѣсты со-
 спавляли: сваха, при провожающія молодые

женщины, свое мужчине и мальчикъ съ образомъ. У невесты тысяцкий давалъ мальчику, сидѣвшему подлѣ нея, деньги и ссаживалъ его: это называлось *купить косу*. Потомъ все садились за столъ; посидѣвши не много, когда были пропѣны все пѣсни, вставали изъ-за стола; отецъ и мать брали руку невесты и отдавали жениху, прося въ коропкихъ словахъ любить и лелѣять ее. Кучеровъ, копорые были съ жениховыми экипажами, дарили плапками. Помолвишись Богу, выходили и ѣхали въ слѣдующемъ порядкѣ: богоносы вмѣстѣ и впереди всехъ, за ними тысяцкий съ женихомъ, потомъ бояре и сваха. Жениховъ поѣздъ ѣхалъ впереди; за нимъ невеста со свахою и провожаемыми. У богатыхъ были кареты и коляски; у кого не было, тѣ просили у знакомыхъ. Кареты были въ Иркутскѣ только у главныхъ чиновниковъ, и все они охотно ссужали ими. На вѣнчаніи иногда въ церкви пѣли пѣвчіе. Сваха невестина распилала *подножье*, копорое по окончаніи обряда брали дѣтки. Новобрачныхъ встрѣчали, съ хлѣбомъ и солью, на крыльцѣ отецъ и мать жениха. Если было льто, то шупъ-же и благословляли образомъ, а зимою этопъ обрядъ происходилъ въ комнатѣ. Новобрачныхъ и гостей сажали за столъ и подавали чай, попому что женихъ и невеста поспились до вѣнца. Потомъ начинался столъ, во время копорого играла музыка; на дворъ выспа-

вляли кади съ пивомъ и подавали вина. Кучеровъ, прѣхавшихъ съ невѣстными экипажами, дарили плашками. Меньшіе бояре послѣ вѣнчанія ѣздили къ опцу и мапери, поздравивъ ихъ съ новобрачными.

У богатыхъ отецъ и мать въ эшопъ день не ѣздили къ свапамъ; у нихъ, по опускѣ невѣсты къ вѣнцу, обѣдали ближніе родственники и дѣвицы, а по окончаніи обѣда разъѣзжались по домамъ. У новобрачныхъ послѣ обѣда подавали кофе, чай и десертъ; рѣдко танцовали въ эшопъ день. Провожатые уѣзжали домой; оставалась одна сваха. Тогда пысяцкій и бояре брали образа невѣсты и жениха, зажигали свѣчи и въ сопровожденіи почешныхъ госпей вели новобрачныхъ въ спальню; выпивши за здоровье ихъ, уходили. Почпи во всю эту ночь въ домъ новобрачныхъ пѣли, плясали и порядочно подпивали. Сваху, одаривши, провожали домой двое меньшихъ бояръ. Тамъ начиналась такая-же суматоха, какъ и въ домъ новобрачныхъ: пили, плясали, и хопя пивъ вообще было въ большомъ зазорѣ, но въ такихъ случаяхъ все разрѣшалось, и кто не хопѣлъ пивъ, тѣхъ обливали виномъ. Поупру молодая дарила свекра, свекровь, пысяцкаго, бояръ, родственниковъ и домашнихъ служителей приличными по соспоянію подарками. Всякій, принявши подарокъ и выпивши вина, упирался подаркомъ и цѣловалъ молодую. Свекру и свекрови,

сверхъ другихъ подарковъ, молодая дарила понкія полопняныя рубашки; свекоръ, свекровь и ближніе родспвенники опдаривали молодую взаимно. Попомъ молодой съ тысяцкимъ и боярами ѣхалъ въ домъ шеспя, кланялся въ ноги шеспю и шещъ и благодарилъ за воспитаніе жены. У нихъ уже накрытъ былъ столъ, на кошоромъ, между другими кушаньями, было большое блюдо съ понкими молочными блинами, обсыпанными сахаромъ и коринкою. Молодой, положивъ блинъ на шарелку, подносилъ вина, сначала шеспю, кошорый выпивалъ рюмку и закусывалъ блинами. Попомъ зяшъ дарилъ его, и такимъ - же образомъ подчивалъ и дарилъ шещу и всѣхъ родныхъ, и домашнихъ служишелей. Наконецъ звалъ шеспя, шещу и всѣхъ родныхъ къ себѣ въ госпи. Въ эшопъ день бывалъ у него большой столъ, а вечеромъ балъ; на другой день опять обѣдъ. Такъ въ домѣ новобрачныхъ пировали при дни. По окончаніи веселій, молодые ѣздили съ визитами ко всѣмъ роднымъ и знакомымъ, кошорые были на свадьбѣ. Спустя нѣсколько дней, шеспъ давалъ для молодыхъ и для новыхъ родспвенниковъ два дни сряду пиръ, и шѣмъ кончались всѣ обряды свадьбы. Госпи и всѣ, кто пировалъ на свадьбѣ, посылали въ домъ молодыхъ и въ домъ невѣсшы хлѣбъ-соль, кошорая состояла изъ большаго хлѣба и солонки съ солью; многіе прибавляли къ эшому

фунтъ чаю, а у недоспающихъ людей что нибудь изъ провизіи.

При рожденіи младенцевъ были обряды слѣдующіе: въ то время, когда новорожденного мыли, клали въ воду серебряныя или золопыя деньги, копорыя брала бабка. Между тѣмъ извѣщали родныхъ, и они прѣзжали навѣщать родильницу. Каждый посѣпипель или посѣпипельница привозили серебряныя деньги, иногда ассигнаціи, а у бѣдныхъ мѣдныя деньги, копорыя и клали подъ подушку родильницѣ или ребенку. Въ крестины, по окончаніи духовнаго обряда, былъ обѣдъ, ужинъ или закуска; но во всякомъ случаѣ подавали кашу изъ сарочинскаго пшена, вареную на молокѣ, а въ посѣпъ на водѣ. Посѣпную кашу обыкновенно обсыпали сахаромъ. Сначала подносили вина, а потомъ кашу; и опъ этого естъ пословица: *я у него на крестинахъ кашу пль*. На кашу повивальной бабкѣ клали деньги. Если дитя было перворожденное, то часпо, подшучивая надъ опцомъ, спарались приготоовишь ему ложку каши съ солью и съ перцомъ, и говорили, что онъ долженъ раздѣлить спраданія мапери. Колыбели, копорыя въ Иркутскѣ называютъ *зыбками*, обыкновенно были висячія на ремняхъ; для этого въ пополокѣ ввершывалось кольцо, къ копорому привѣшивали колыбель. Онѣ очень удобны. Родильницу непременно водили въ баню, сначала, если только

позволяло сколько нибудь ея здоровье, каждый день, а послѣ черезъ день, говоря: *банька вторая мать*. Послѣ бани поили ее *взваромъ* изъ пива, въ копорый клали изюмъ, черносливъ, инбирь и калганъ, или дѣлали его другимъ образомъ: варили пшено сарочинское съ изюмомъ и черносливомъ въ пивѣ. Діэшы никакой не было; спарались какъ можно болѣе кормишь родильницу, и Богъ знаетъ какъ все эшо обходилось безъ дурныхъ послѣдствій. Напропивъ, родильница скоро поправлялась, и мало бывало какихъ нибудь несчастныхъ случаевъ. Въ девятый день *размывали руки*. Эшошъ обрядъ естъ во всей Россіи. Въ Сибири происходилъ онъ такимъ образомъ: приносили кружку чистой воды, въ которую клали серебряныя деньги, и родильница поливала при разѣ бабкѣ воды на руки, а та ей обрашно. Попомъ дарили бабку; но подарки, даже въ богатыхъ домахъ, были маловажные: рублей 15 и 20 денегъ, нѣсколько фуншовъ хорошаго мыла и аршина при полошна, или холспа; иногда къ эшому прибавляли фуншъ чаю. Дѣшей рѣдко кормили грудью, а еще рѣже нанимали кормилицу. Обыкновенную пищу ребенка составляло коровье молоко, копорымъ кормили, вливая его въ *рожокъ*.

Описывая, какъ умѣю, разные обряды Иркутскихъ жипелей, наконецъ я приступаю къ тому неизбѣжному въ концѣ жизни обряду, о ко-

поромъ челоуѣкъ не можетъ самъ заботишься, но оспауляеть это другимъ; я говорю о похоронахъ, и опишу, какъ онѣ осправляются въ домахъ доспапочныхъ. Извѣсно, что у бѣдныхъ бываетъ то-же самое, только въ маломъ видѣ. По окончаніи религіозныхъ обрядовъ, умершаго кладутъ на сполъ, которуи убираютъ полопномъ или кисеей и черными ленпами, спавятъ подсвѣчники, полъ успиляютъ ельникомъ, эшимъ съвернымъ кипарисомъ. Дѣти и ближніе родспвенники бываютъ попеременно при пѣлѣ усопшаго. Прежде жена и дочери непременно должны были сидѣть при пѣлѣ усопшаго и *причитатъ* со слезами, высчитывая всѣ добрыя качества его. Если кто не соблюдалъ этого, то говорили, что *рады и не жальютъ о смерти его*; надобно было, если нѣтъ слезъ, закрытьъ глаза плапкомъ, положишь голову на сполъ, гдѣ лежишь покойникъ, и приговаривать. У дѣвицъ, при смерти опца или мапери, распускали волосы по плечамъ, завязывая голову чернымъ плапкомъ. Тогда не знали плѣрезовъ и праурныхъ чепчиковъ, и мало кто шилъ праурное плапье изъ фланели: оно обыкновенно дѣлалось изъ черной нелощеной кишайки, самымъ простымъ покроемъ. Даже при этомъ случаѣ видно было гостепріимство Сибиряковъ: къ покойному ходили всѣ знакомые, многіе и чужіе: знакомые изъ приличія, а посторонніе посмопрътъ, какъ одѣтъ,

какою парчою покрытъ, и плачущь-ли родные; но всякому приходящему подавали рюмку вина и чаю. Для того приставлены были особые люди, и подъ ихъ надзоромъ самовары кипѣли онѣ ушра до вечера. Одинъ изъ вѣрныхъ людей подавалъ милоспыню; разсылали по возможности подаянія по монастырямъ, богадѣльнямъ, въ оспрогъ и въ больницы; служили два раза въ день паннихиду. Между тѣмъ приготавлились къ похоронамъ, копорыя обыкновенно бывали въ преній день. Въ Иркутскѣ нѣтъ готовыхъ гробовъ, и нѣтъ людей, копорые-бы дѣлали изъ этого промыселъ; праура не опускаютъ на прокатъ, и даже всѣхъ покойниковъ носятъ на носилкахъ, покрытыхъ сукномъ или ковромъ. Гробъ заколачиваютъ на кладбищѣ. При шествіи шуда, впереди идетъ человекъ съ образомъ, потомъ идутъ священники; иногда приглашаютъ архіерея и архимандрита; потомъ несутъ крышку, покрытую покровомъ; за тѣмъ гробъ, обитый бархатомъ, матеріей, или крашеный и покрытый парчой, или другой какой матеріей, по состоянію. Обыкновенно шло опѣваютъ въ приходской церкви и потомъ несутъ на кладбище; гробъ опускаютъ въ могилу на холстъ, копорый дѣлятъ нищимъ; наконецъ служатъ паннихиду, раздаютъ милоспыню и возвращаются домой. Въ этотъ день бываетъ большой обѣдъ, копорый называютъ горячимъ.

Кромѣ священниковъ и причепниковъ приглашающа на него родспивенники и знакомые; кому угодно изъ поспороннихъ, всякій можешъ придти и обѣдать: никому не опказываютъ. По прѣздѣ съ могилы, сначала подаютъ чай, потомъ служатъ паннихиду и садятся за столъ. Первое блюдо подаютъ блины, но не гречневые, копорыхъ мало и знаютъ въ Сибири, а понкіе молочные; въ постъ постные. Потомъ подаютъ обыкновенныя кушанья и всегда гоповятъ ихъ множество. Обѣдъ заключающъ киселемъ молочнымъ со сливками, а въ постъ постнымъ, съ миндальнымъ молокомъ, или медовою сыпою. Когда поспавятъ на столъ кисель, то всѣ вспаютъ, поютъ вѣчную память, садятся и кончаютъ обѣдъ. Послѣ обѣда, какъ и вездѣ въ Россіи, поютъ липію и разносятъ напипки. Тутъ подаютъ чай и разѣзжаются по домамъ. Въ эшомъ день, около вечера, и въ слѣдующіе, родные ѣздатъ на могилу служатъ паннихиду, и ничто не удержишъ ихъ: ни дождь, ни морозъ. Бѣдные, копорые не могутъ эшого сдѣлатъ, ходятъ по суббопамъ служатъ паннихиду; эшо продолжается сорокъ дней. Между тѣмъ опдаютъ чипатъ годовые псалшири и сорокоусты, кормятъ нищихъ, зимою въ комнапахъ, а лѣтомъ во дворѣ, гдѣ разспавляютъ сполы и собираютъ челоуѣкъ до шрехъ сотъ и болѣе. Столъ дѣлаютъ хорошій; щи и похлебки ва-

ряпъ въ кошлахъ, пекутъ множество пироговъ, блиновъ, жаряпъ жаркое, дѣлаюпъ кисель и варяпъ пиво. Когда сберешся много нищихъ, по запираюпъ вороша, чпобъ не было безпорядка; подаюпъ имъ по рюмкѣ вина и сажаюпъ за споль. Хозяева и домашніе сами угощаюпъ госпей. Послѣ обѣда выпускаюпъ ихъ по-одиначкѣ и одѣляюпъ деньгами. Иногда бываетъ обѣда при въ день, и чпо оспашеся опъ нихъ, опвозяпъ въ оспрогъ, чпобъ никакихъ оспашковъ опъ эпого дня не было. Въ печеніе сорока дней бываетъ поминовеніе. Въ девятый и двадцатый день обѣдаюпъ только ближніе родспвенники, но въ сороковой бываетъ большой званый обѣдъ; попомъ еще чрезъ полгода и годъ. Трауръносяпъ ближніе родные цѣлый годъ.

Церкви въ Иркутскѣ украшены иконами въ серебряныхъ, позлащенныхъ ризахъ, и содержапся въ чистопѣ и благолѣпїи; многія расписаны; во всѣхъ церквахъ большіе колокола; нѣтъ ни одной, гдѣ - бы не было колокола въ 200 пудовъ, а въ нѣкоторыхъ еспъ пудовъ въ 400 и болѣе. Церкви обыкновенно раздѣляюпся на верхнюю и нижнюю: внизу теплая, а верхняя холодная, и всѣ онѣ съ придѣлами. При многихъ церквахъ еспъ богадѣльни, которыя содержатся подаяніемъ доброхопныхъ. Во многихъ домахъ заведено, когда пекутъ хлѣбы и булки, посылапъ каж-

дый разъ часпъ въ богадѣльню. Также, къ большимъ праздникамъ, раздающъ бѣлье и плашье бѣднымъ.

Народъ въ Иркутскѣ вообще склоненъ къ разсказамъ. Вечеромъ, не только въ деревняхъ, но и въ городѣ, когда соберутся нѣсколько человѣкъ, особливо женщинъ, то разсказываютъ о спаромъ-бываломъ, или сказываютъ сказки; но это болѣе дѣшамъ, или въ своемъ семействѣ. Сколько слыжала я разсказовъ о домовомъ! Его называютъ шамъ сусѣдко. Бѣда, если онъ кого не взлюбитъ! Также въ мѣтеорахъ проспой народъ видитъ огненныхъ змѣевъ; лѣсные заводятъ прохожихъ; сусѣдко высѣкаетъ огонь, прядетъ, и если домашній скотъ придется по дому, то онъ хошитъ его, гладитъ и кормитъ. Спарухи часто обращаются къ нему съ просьбою: любитъ коровъ. Если онъ не полюбитъ ихъ, то выгребаетъ кормъ, и поному, когда худа корова, то говорятъ: *«не по дому пришла, сусѣдко не взлюбилъ.»* О змѣѣ огненномъ говорятъ, что онъ носитъ деньги своимъ любимцамъ, но что такое богатство не идетъ въ прокъ и обращается прахомъ. Долго было-бы разсказывать о всѣхъ спаринныхъ причудахъ; но къ чести Иркутскихъ жителей, въ религіи у нихъ нѣтъ никакихъ суевѣрій; нѣтъ раскольниковъ между купцами и вообще между народомъ; развѣ есть они между прѣзжими изъ Россіи, но и тѣ стараются скрывать свое невѣжество. Жители спрого со-

блюдаютъ всѣ духовные обряды, но безъ малѣйшаго суевѣрія. Въ Сибири нѣтъ такъ называемыхъ кликушъ, и даже тѣ, которыя прѣзжаютъ изъ Россіи, пораженныя, какъ назвать эшо, причудами или болѣзнію, проживши нѣсколько времени въ Иркутскѣ перестаютъ кликать, безъ всякаго леченія. Между жителями Иркутска нѣтъ, или не было, по крайней мѣрѣ, упонченнаго, свѣпскаго обращенія; но легко разгадать причину эшого. При всей охотѣ перенимать хорошее и учиться всему изящному, тамъ нѣтъ училелей и училельницъ танцованья, музыки и пѣнія; нѣтъ театровъ, концертовъ; даже нѣтъ ни одного пансіона или училища для дѣвицъ; учащяся, какъ кто можетъ; нѣкоторые дома, другіе у священниковъ. Были при мнѣ дома два, гдѣ по нѣскольку дѣвицъ учились, болѣе по знакомству Русской грамотѣ и разнымъ рукодѣліямъ. Очень было-бы пріятно, если-бы Иркутскіе капиталисы, согласясь между собою, устроили пансіонъ для воспитанія дѣвицъ, тѣмъ болѣе, что вообще многія имѣютъ способности и склонность къ ученію, и стараются недоспашокъ воспитанія вознаграждать чтеніемъ книгъ. Также у нихъ видѣнъ вкусъ въ нарядахъ, гораздо болѣе нежели въ тѣхъ губерніяхъ, которыя ближе къ столицамъ. Много еще можно сказать похвальнаго о тамошнемъ купечествѣ. Напримѣръ, въ госпиномъ дворѣ никогда не за-

просятъ съ васъ впрое, не будутъ ворочають
 съ дороги и говориють, что для васъ успуна-
 ють; никогда не божаются при продажахъ и не
 стараются продать и подмѣнить гнилой по-
 варъ вмѣсто хорошаго. Отдаленность отъ спо-
 лицъ и недоспашокъ въ воспитаніи кладутъ
 свою печать; за то въ нравственномъ отноше-
 ніи много есть похвальнаго въ семействахъ, и да-
 же болѣе привязанности вообще между родны-
 ми. Сеспры, вышедши за мужъ, часто выдаются,
 и рѣдко бываютъ ссоры между родственника-
 ми. Господство въ Иркутскѣ примѣрное;
 благонравіе уважается чрезвычайно, и даже въ
 простомъ народѣ женщина дурнаго поведенія не
 найдетъ себѣ мѣста нигдѣ. Посты и дни
 постные строго соблюдались въ Сибири. Мно-
 гіе жили даже сами налагали на себя посты,
 и постились Кирику и Гулишту, Іоакиму и Ан-
 нѣ, Ильѣ Пророку и Воздвиженію. Наканунъ Рож-
 дества, то есть въ сочельникъ, не ѣли ниче-
 го до звѣзды, и уже вечеромъ пили чай и ужи-
 нали. Дѣвушки сберегали отъ этого дни лучин-
 ку, копорою засвѣчали огонь для ворожбы; а въ
 Сибири большія охотницы ворожиють, и множе-
 ство рассказываетъ чудеса, кому что видѣлось.
 Такъ какъ я хочу описать всѣ мнѣ извѣстные
 обычаи и повѣрья, то опишу и гаданья. Празд-
 никъ Рождества, какъ и вездѣ, начинался духов-
 ными обрядами: ходили къ заупрени, къ обѣднѣ;

послѣ обѣдни съ поздравленіями къ старшимъ. Дочери послѣ обѣда ѣздили съ мужьями и дѣшьями къ родителемъ. На другой день дѣлали визиты старшимъ родственикамъ и принимали у себя гостей. Такъ проходили первые три дни; но Святки продолжаются до Крещенья. Вечера святочные называли *святыми*. Въ первые три дни дѣшья всѣхъ званій ходили *славить Христа*. Это былъ любимый праздникъ для дѣшей, и шѣ изъ нихъ щеголяли, которые больше выучивали *рацеекъ*. Опславивши Христа, они сказывали *рацейки*, и вспарину обращались къ хозяину и хозяйкѣ. Вотъ образчикъ этого: *Встань, хозяинъ, да покатись въ подполье, по пи роги, да по шаньги, по мягкій хлѣбъ, да по деньги въ зень*. Еще было обыкновеніе печь изъ ржаной муки ягняшъ и овечекъ, иногда и пасхуха; все это давали въ гостинцы дѣшьямъ. Вѣроятно, это очень древній обычай, и, кажется, въ воспоминаіе того, что пасхухи первые привѣщивовали рожденіе Спасителя. У дѣвочекъ прятали куклы въ чуланъ, или куда нибудь подальше, также оборачивали куклы внизъ лицомъ, говоря, что грѣхъ играть ими въ святые вечера, что *шиликунъ* упащипъ ихъ. Подъ этимъ разумѣли какихъ-то веселыхъ чертей, которые подкарауливали все, что кладушъ не благословясь, и все это была ихъ добыча. На другой день начинали ходишъ съ *вертепомъ*. Я сама воспитан-

ница Сибири, и участвовала во всѣхъ играхъ и забавахъ Иркутскихъ, шому уже около сорока лѣтъ. Жизнь была даже въ лучшихъ домахъ папріархальная. Вершеть — ящикъ о двухъ ярусахъ; въ немъ представляли разныя сцены, относящіяся къ Рождеству Христову, какъ-то: явленіе Ангеловъ, поклоненіе волхвовъ, бѣгство въ Египетъ, а въ заключеніе смерть Ирода. Все это представляли куклами деревянными, одѣтыми въ плащя, приличныя изображаемымъ лицамъ, хотя, правду сказать, вѣрность костюмовъ была не слишкомъ строго соблюдаема; на примѣръ: дочь Ирода, извѣстная по преданію за славную шанцовщицу, плясала Русскую пляску съ распудреннымъ кавалеромъ и являлась одѣною по послѣдней модѣ. Но намъ дѣшамъ какое было дѣло до этого? Было весело, и казалось довольно, что все относилось къ духовному. Въ верхнемъ ярусь вершепа представляли смерть Ирода, а въ нижнемъ пляски. Тутъ были и свои арлекины: прапезникъ и дѣчекъ. Дѣчекъ зажигалъ свѣчи, копорыми освѣщался вершеть; прапезникъ гасилъ ихъ, и оба просили съ разными прибаутками денегъ. У прапезника былъ за плечами кузовъ, въ копорый клали деньги, а у дѣчка шарелка; и все это доставляло дѣшамъ несказанное удовольствіе. Обыкновенно съ вершепомъ ходили мальчики; одинъ изъ нихъ, копорый былъ всѣхъ распоропѣе, дѣлался ди-

рижѣромъ. Иногда бывалъ у нихъ скрыпачъ, и они гордились эшимъ. Въ Иркутскѣ были двое слѣпыхъ, копорые играли на скрыпкѣ и ушѣшали не одно поколѣніе. Они-по обыкновенно ходили съ вертепомъ. Эпи лица не умерли: ихъ помѣспилъ Г. Калашниковъ въ одномъ своемъ романѣ. Вечеромъ, когда бывало смеркнелся и закроушъ спавнями окна, спучались подъ окномъ, и на вопросъ: кпо шамъ? ошвѣчали: не угодно-ли съ вертепомъ? Тупъ обыкновенно дѣши приспупали съ просьбами пуспишъ вертепъ. Никакая лучшая піеса, разыгранная на театрѣ, не доспавляешъ шеперь шакого удовольспвія, какое доспавлялъ намъ вертепъ. Блаженное время дѣшспіва!... Еще было вешарину обыкновеніе, копорого я уже не помню: ходили съ конькомъ. Одинъ предспавлялъ сидящаго на лошади рыцаря, а двое другіе даму и кавалера; ходили шоже вечеромъ по домамъ, и куда входили въ домъ, шо пѣли и плясали.

Описавши дѣшскія на свѣшкахъ увеселенія, приспупаю къ описанію забавъ юношескихъ лѣшъ. Всѣ игры и гаданья ошносяпся болѣе къ дѣвицамъ; но и молодые мужчины въ нихъ учащвовали. Назначивши вечеръ, подруги собирались въ одинъ домъ, поиграшъ и погадашъ. Всегда начинали подблюдными пѣснями; но эшо дѣлалось особеннымъ образомъ. Собирали кольца, перспни, запонки, сережки; клали ихъ въ блюдо

и накрывали салфеткою; наръзывали маленькіе кусочки хлѣба и клали сверхъ салфетки. Сначала пѣли пѣсню хлѣбу и соли и брали кусочки; ложась спать, клали ихъ подъ головы, загадывая, что приснится. Потомъ пѣли пѣсни; по окончаніи каждой изъ нихъ, прясли блюдо, и одинъ ловилъ, что попадалось, по одной вещицѣ. Обыкновенно болѣе спарались класпъ такія вещи, гдѣ въ оправѣ камня; тогда загадывали: за что или какъ вынешся? за камешекъ или за колечко? Всѣ вещи клали вмѣстѣ, и послѣ присуждали, что дѣлать за выкупъ? Последнему, когда оспавалась одна вещица, пѣли свадебную пѣсню: *дорогая моя гостейка*, и кольцо капили по полу, загадывая, въ которую спорону покапится оно: если дѣвушкѣ покапится къ дверямъ — къ замужеству, мужинѣ — къ дорогѣ. Послѣ пѣсенъ хоронили золопо. Эта игра всѣмъ извѣстна и, кажется, одна изъ самыхъ старинныхъ. Потомъ играли именами, въ *Короли*, въ *курилку*, и въ *жмурки*, которыя въ Иркутскѣ называютъ *импльцы*. Я опишу всѣ эти игры по порядку.

Игра въ имена. Всѣ садились. Одного по жеребью сажали на спулъ среди комнапы, другой давалъ имена всѣмъ, какія вздумается, смотря по особѣ; наприкладъ, мужинѣ имена: соколъ, соловей, коршунъ, чершополохъ, василекъ, макъ; дѣвицѣ: ласпочка, малиновка, гвоздика. Имена сказывали каждому пошохоньку, чтобы не слы-

халъ попъ, кто сидишь на спулъ. Тупъ ему закрывали глаза плашкомъ и кликали одного по имени. Онъ долженъ былъ подойти, легонько ударишь сидящаго на спулъ и попчасъ сѣсть на свое мѣсто. Прочіе всѣ въ это время попадали ногами, приговаривая: *былъ, да ушелъ, спрятался, запечатался*. Тогда открывали глаза сидящему на спулъ, и онъ долженъ былъ угадать, кто его ударилъ; если угадывалъ, то ударившій смѣнялъ его, а попъ, который сидѣлъ на спулъ, давалъ имена; въ противномъ случаѣ перемѣняли имя только тому, кто былъ вызванъ.

Игра въ Короли. Начиналась такъ: всѣ, участвующіе въ игрѣ, клали правую руку на сполъ, одинъ за другимъ; чья рука была внизу, попъ вынималъ ее, а за нимъ и другіе; девятымъ былъ Король. Тогда каждый подходилъ къ нему и говорилъ: *Король, я твоя (или твой) слуга, что прикажешь дѣлать?* Службы были разныя и смѣшныя; напримѣръ, какойнибудь хорошенькой дѣвушкѣ Король приказывалъ спастъ въ уголъ, и при рза громко сказать: *я хороша, я пригожа, за мужъ иду за такого-то*, и обыкновенно выбирали какогонибудь безобразнаго спарика; на отговорки не смолчали, такъ что иногда дѣвушкѣ было не до смѣха; но должно было выполнятъ королевскую волю. Иному приказывалъ Король спѣть пѣсню, другому поплясать, иному пропѣть пѣшукомъ, скакать на одной ногѣ, про-

даваѣь калачи, возиѣь сѣно. Еще была служба: спашѣь въ уголѣ и говориѣь: *Горю, горю на ка-мешкѣ; кто меня любитѣь, тотѣь поцѣьлуеѣь.* Тогда кто нибудѣь подбѣгалѣь, цѣьловалѣь и горѣьлѣь въ свою очередь. Я могла-бы наскучиѣь, опи-сывая разныя службы.

Иногда играли въ курилку. Садились всѣ въ кружекѣь, зажигали лучинку, и попушивши, пере-давали ее одинѣь другому, приговаривая: *Жилѣь, былѣь курилка, ножки тоненьки, душа коротень-ка; не умри, курилка, не оставѣь печали, не за-ставѣь плясати.* Всякій спарался скорѣь сбыѣь съ рукѣь курилку, приговаривая: *живѣь.* У кого погасала лучинка, съ того брали *фантѣь.*

Игры обыкновенно заключались жмурками. Эта игра извѣсна всѣмѣь. По жеребью завязы-вали кому нибудѣь глаза плашкомѣь и спрого испытывали, не видиѣь-ли онѣь. Потомѣь при-водили его къ дверямѣь и спрашивали: *Гдѣь стоиѣь?* Завязанный отвѣчалѣь: *У дверей.* — *Что продаеѣь?* — *Квасѣь, да ягоды.* — *Ищи насѣь двад-цать два года.* Тутѣь всѣь разсыпались, какѣь дождѣь. Всякій спарался удариѣь жгутомѣь бѣд-няжку, но и поѣь хиприлѣь; иногда оспанавли-вался по среднѣь комнаѣь, прислушивался, гдѣь его непріаѣьтели и бросался врасплохѣь. Закона-ми игры не позволено было уходиѣь въ другую комнаѣь; кто покушался на это, тому всѣь кри-чали: *погорѣьлѣь, погорѣьлѣь!* и завязывали глаза.

Наигравшись, нѣкоторые разѣзжались по домамъ, а многія дѣвицы оспавались ночевать у подругъ. Тогда-то, подѣ предводишельствомъ опытныхъ, присступали къ тайнамъ—угадывать будущее. Гадали о суженомъ, о томъ, весело-ли проживушъ слѣдующій годъ; лили олово, воскъ, и по вылипымъ фигурамъ разгадывали свою участь. Около полуночи выходили во дворъ *полоть снѣгъ*. Взявши немного снѣгу въ фаршукъ, качали его, приговаривая: *полю, полю бѣль снѣгъ*; гдѣ собака залаятъ, тамъ мой суженой, и прислушивались. Гдѣ залаяла собака, тамъ бытъ опданной за мужъ. Толстый и хриплый лай означалъ спарика, звонкій и тонкій молодого. Иногда дѣлали ушочекъ изъ воску и опускали ихъ на шарелку съ водою; если ушочки плавали вмѣстѣ, то это означало согласіе, а врознь — недружбу; наливали въ блюдце воды, и зажегши небольшою клочекъ хлопковъ, клали его въ спаканъ, который пошчасъ опрокидывали на блюдце. Если много набиралось воды въ спаканъ, то это означало, что мужъ будетъ любить выпить, а если мало, то онъ будетъ человекъ презвѣй. Еще ворожили такимъ образомъ: бросали башмакъ за вороша; куда упадетъ онъ, туда бытъ опданной за мужъ. Или выходили за вороша и спрашивали у перваго прохожаго: какъ зовушъ? И какое скажетъ онъ имя, такъ будушъ звать

жениха. Многія слушали подъ окнами и по рѣчамъ судили, чему бытъ; выпускали на средину комнапы курицу съ пѣшухомъ и замѣчали, сердитѣ-ли будетъ мужъ? Если пѣшухъ гордо расхаживалъ, клевалъ курицу, то значить, что сердитый мужъ будетъ; но иногда и курица храбрилась. Иногда двѣ дѣвицы брали цѣлый ржаной хлѣбъ на пальцы и загадывали, въ которую спорону будетъ вершѣться? Если по солнцу, то сбудется загаданое, а прошивъ солнца, то нѣтъ. Точно также ворожили сипомъ; но всѣ эти гаданья были мѣлочныя. Такъ ворожили дѣвушки разнаго возраста: большія и маленькія. Главныя, важныя гаданья были: смотрѣть въ зеркало въ полночь, когда всѣ лягутъ спать, или набирать два прибора на Васильевъ вечеръ, или на Крещенье, и въ сочельникъ ходитъ слушать къ верѣ, къ анбару, къ проруби, на перекрестокъ, и все это въ полночь. Я сама нарочно испытывала многое; но мнѣ никогда и ничего не чудилось; напрошивъ опъ другихъ я слыхала чудеса, и онѣ божились, что это точно было. Глядѣнье ночью въ зеркало дѣлалось такъ: дѣвица, которая хотѣла гадать и надѣялась на свою бодрость, садилась одна, а если немножко прусила, то, неизмѣнная своей природѣ Еввина внучка, которой хочется знать, хорошѣ-ли, молодѣ-ли будетъ суженой, сажала няню или какую нибудь Сивиллу

въ смежной комнаѣ, и спавила два зеркала одно прошивъ другаго. Передъ однимъ она сѣдѣла сама и спавила на споль двѣ свѣчи, а другое зеркало спавила сзади, очерпивъ лучинкой (копорою былъ зажженъ огонь въ сочельникъ) и глядѣла въ него приспально. Сначала зеркало подергивалось шуманомъ; попомъ мало по малу прояснялось, и суженый глядѣлъ черезъ плечо дѣвицы. Тогда надобно было зачураться: «чуръ меня, полно!» и опшюдь не оглядываться, а шо могло бытъ худо. Конечно все это одно воображеніе, но многимъ споило жизни или тяжкой болѣзни. Вотъ что рассказывала мнѣ одна очень умная и безъ всякихъ предразсудковъ дѣвушка. Вздумала она смопрѣшь въ зеркало ночью. Домъ, гдѣ жила она, былъ большой, каменный въ два этажа. Взявши съ собой дѣвушку, она велѣла ей лечь спать въ ближней комнаѣ, а сама сѣла передъ зеркаломъ. Была полночь. Она сидѣшь, какъ Свѣшлана, ждешь появленія суженаго; всѣ въ домъ спяшь и вороша запершы; внизу у дверей былъ колокольчикъ. Вдругъ колокольчикъ зазвенѣлъ, и она слышишь, что кто-шо идешь тяжельми спопами по лѣспницѣ; спукъ шаговъ приближаесть; но она, дрожа опъ ужаса, не разсудила дожидаться суженаго, копорый, вмѣсто того чшобъ показаться въ зеркалъ, вздумалъ самъ пожаловать и лицомъ кълицу бесѣдовать съ нею; она бросилась въ комнату, гдѣ спала ея

подруга, зачуралась, но была послѣ этого больна. Домашніе утверждали, что всѣ спали въ полночь и никто ничего не слыхалъ. Поэтому рѣдко кто рѣшается на эту ворожбу, хотя она, какъ говорятъ, самая *вѣрная*. Также рѣдко зовутъ ужинавъ своего суженаго. Для этого спаваятъ два прибора, хлѣбъ, соль, ложки, и около полуночи дѣвушка садится за столъ, очерчивается и говоритъ: *Суженый, ряженый, приходи ко мнѣ ужинать*; лишь только пробьютъ полночь, является женихъ въ томъ нарядѣ, въ какомъ будетъ на сговорѣ, и садится за столъ. На всякій случай берутъ съ собою пѣшуха, для того, что когда не поможетъ зачуранье и гость засидится, то надобно давушь хорошенько пѣшуха; онъ запоетъ и все исчезнетъ. А вошь ходитъ на прорубь, такъ спрахъ и ужасъ! Однажды при дѣвушки сговорились идти гадать на прорубь, взяли бычью кожу, очерпились и съли, какъ надобно. Вдругъ слышатъ, кожу кто-то шатитъ въ воду, больше и больше; онъ: *чуръ того! полно!* Напрасно! Онъ бѣжитъ домой, но за ними также бѣгутъ и кричатъ: *копылиха, стой!* *обвариха, стой!* *барыня, стой!* Онъ, швоя моливу, насилу добѣжали, да скорѣй и вороша на запорѣ. Но что-же вышло? Одна изъ нихъ обварилась кипяшкомъ и умерла; другая упала и зашиблась объ копылья саней, а прешья вышла за мужъ за дворянина,

и все эшо въ одинъ годъ. Да мнѣ не уписаць-бы на нѣсколькихъ лиспахъ чудесъ, копорыя я слыхала. Какъ начнушь, бывало, опышныя люди разсказывають про спарину, шо у насъ волосы на головѣ дыбомъ спановяшся; но поворожишь хочешся, и прусихи выбираютъ, что не такъ спрашно: пойдешь къ веревѣ, очерпяшся, и не одна, а двѣ, при дѣвушки, шолько загадывають поодиначкѣ: богапо-ли жишь и выйдешь-ли въ эшопъ годъ аа мужъ. Если копорой выйдши, шо ей запоють пѣсни свадебныя, а къ богапспву начнушь деньги счищать, а кому учась не такъ весела, шо плачешь; но шущь сподишь шолько зачурашься, и все кончено. Еще ходяшь на перекрестокъ, на улицу, сядешь, накроюшся скашершью; одна загадаешъ и кому выйдши въ шопъ годъ аа мужъ, шо и поѣдешъ съ копорой нибудь спороны поѣздъ: и свищешь и гаркають. Но съ окончаніемъ свяпокъ конецъ всѣмъ ворожбамъ; спарые люди поспяшся, да Богу моляшся, а молодые свое смѣкають. Наканунѣ сочельника спускають гребень за окошко, и какіе волосы на гребнѣ, такіе будутъ и у суженаго; обсѣваються золой и по упру смопряшь, какая обувь у жениха; наливають въ ложки воду и выспавляютъ ее на морозъ. Такъ ворожатъ и спарухи: если бугорокъ, шо еще проживешь годъ, а ямка значить смерть. Въ самый сочельникъ, добрые люди пойдешь на воду, а грѣхо-

водницы-дѣвушки напекутъ сочней, то естъ тонкихъ лепешекъ изъ прѣснаго пѣсша, выйдутъ за воруша и смопряшъ, кто первый идетъ или ѣдетъ, и знаютъ уже, что такого званія будетъ женихъ. Вечеромъ въ Крещенскій сочельникъ вездѣ окропляютъ святой водой, спавшъ кресны мѣломъ на окнахъ и дверяхъ, и пѣмъ все оканчивается.

Таковы свяпочныя забавы дѣвушекъ въ Сибири. Все это принесено изъ Россіи; заѣзжіе Русскіе жишели сохранили свои обычаи, повѣрья, обряды, и они поддерживались въ самобытной простотѣ, такъ что многихъ коренныхъ Русскихъ обычаевъ не лзя встрѣпить нигдѣ, кромѣ Сибири и особенно Иркутска. Теперь и тамъ спыдяшся спарины, и тамъ все быспро измѣняется. Я не хочу хвалишь старыхъ обычаевъ и суевѣрій, но, кажется, всѣ они доказываютъ простоту нравовъ. Желаю опъ чистаго сердца, чтобъ всѣ эти пуспяки замѣнились истиннымъ просвѣщеніемъ, а не моднымъ обезьянствомъ, которое ни въ какомъ случаѣ не ведетъ къ добру. Когда жили въ простотѣ сердца и сообразно своему климату, то не знали многихъ болѣзней. Нынѣ (конечно не всѣ) спыдяшся заняпій хозяйствомъ, боясь прослышь кухарками и простолюдинками; но въ Швейцаріи, Голландіи женщины просвѣщеніе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и

между тѣмъ свято выполняюшъ всѣ домашнія обязанности. Слова мои болѣе относящяся къ непросвѣщенному классу; въ высшемъ, просвѣщенномъ кругу, у насъ многія мапери сами воспитываюшъ дѣшей и распоряжающяся домашнимъ устройствомъ. Дай Богъ, чшобъ это было примѣромъ для всѣхъ другихъ. Но я опспушила опъ своей маперіи.

Послѣ Свяшокъ игры ушихаюшъ, начинающяся свадьбы; послѣ этого дожидаящяся Масляницы; тогда свои сѣверныя забавы: кашанья по улицамъ, кашальныя горы. Бѣгъ устройается въ Иркутскѣ сначала зимы на успѣ Ушаковки, а послѣ на Ангартъ. Онъ блеспшъ, какъ зеркало, и бываешъ обспавленъ ёлками. Тупъ по Воскресеньямъ и въ праздники, а особливо на Масляницѣ выѣзжаяюшъ охопники въ маленькихъ санкахъ, на рысакахъ и иноходцахъ. Горы бываюшъ часшо въ двухъ мѣстахъ: на Ангартъ и на Ушаковкѣ. Съ Четверга начинающяся гулянья. Къ Масляницѣ варяшъ пиво и дѣлаюшъ *хворосты*; столы накрыты скапершями и успавлены конфектами, вареньями. Хворосты (родъ пирожнаго), какъ принадлежноспъ масляницы, видны вездѣ; самоваръ всегда гошовъ. Родные ѣздяшъ другъ къ другу, и между тѣмъ не забываюшъ кашашся. Во многихъ домахъ дѣлаюшъ ледяныя кашальныя горы, съ копорыхъ капающяся на

кожахъ, на лубкахъ, на санкахъ и даже на льдинахъ. Вопъ чпо еще иногда бывало на Масляницѣ, для забавы народа: начальники города приказывали сплоситъ вмѣстѣ нѣсколько огромныхъ саней и устроивали на нихъ корабль со снастями, парусами. Тупъ садились и люди, и медвѣдь, и *Госпожа Масляница*, и разные паяцы; все это вообще называли *Масляницею*. Въ нее впрягали лошадей двадцать и возили ее по улицамъ; позади обыкновенно слѣдовали толпы мальчишекъ и гулякъ; они провожали ее пѣснями и разными прибаутками. Къ чепи Иркутскихъ жипелей надобно сказапъ, чпо они очень набожны; не только пожилые люди, но и молодые всю Масляницу ходяпъ въ церковь. Въ *прощальный день* ѣздяпъ на кладбище, служапъ паннихиды и покланяюпся праху родныхъ; попомъ весь этотъ день посвящаюпъ прощальнымъ визипамъ, къ родителемъ и спаршимъ родспвенникамъ. Вечеромъ помъ-же обрядъ повпоряется дома; служители прощаюпся съ хозяевами, дѣпи съ родителями. Прежде былъ въ Иркутскѣ обычай (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи онъ сущесшвуетъ и донынѣ) приносипъ пряники въ *прощальный вечеръ*. На другой день начинается поспъ первый: *Понедѣльникъ* называюпъ *чистымъ*, попому чпо въ этотъ день перемываюпъ всю посуду, ходяпъ сами въ баню, и многіе начинаюпъ говѣпъ. Хозяйки въ

Иркушскѣ, по крайней мѣрѣ были прежде, пре-
суешливыя созданья: на первыхъ дняхъ посша
пекутъ обварные крендели, сдобные калачи и
пряники разныхъ соршовъ. Многіе, особенно лю-
ди пожилые, не ѣдятъ даже рыбы во весь
поспѣ; прочіе соблюдаютъ это только въ пер-
вую, четвертую и спрасную недѣли. Кому
есть время, шѣ ходятъ въ церковь; но во всѣхъ
домахъ кипитъ дѣятельность: богатые шьютъ
для своего семейства обновки, а бѣдные прудятъ-
ся для богатыхъ; это вездѣ ведется, но въ
Иркушскѣ замѣтнѣе, потому что тамъ нѣтъ
магазиновъ и даже не много швей или масше-
рицъ, а болѣе сами готовятъ свои наряды и да-
же шьютъ бѣлье; отдають шить только то,
чего сами не могутъ сдѣлать. Хотя Пасха слу-
чается и въ Маршѣ, но почти всегда въ это
время сходитъ снѣгъ и бываетъ сухо. Къ свя-
той недѣлѣ дѣлають во многихъ домахъ качели,
и гдѣ большое семейство и дѣвушки, то есть
еще увеселеніе, котораго прелести я не пони-
маю. Покупають длинную и широкую доску, глад-
ко выпроганную, подмачивають ее по среди-
нѣ четверти на три, и одинъ садится на сре-
дину: это называютъ *сидѣть на кашкѣ*; двое
становятся по концамъ, подпрыгивають пооче-
редно и дѣлають разныя фигуры. Тотъ по-
чищается искуснымъ, кто выше прыгаетъ; но
это довольно опасно: многіе падаютъ и уши-

баюшся. Въ Великій Четвертокъ стараюшся
вспасть до солнца и умыться свѣжею водою съ
серебра, чпобъ бытъ здоровыми цѣлый годъ.
Есть преданіе, что въ этотъ день воронъ до
свѣта купаетъ своихъ дѣшей; но это не обык-
новенный воронъ или воронѣ, а вѣщій воронъ, и
живетъ онъ въ непроходимыхъ лѣсахъ. Гово-
рятъ, что у него въ гнѣздѣ и золото, и сере-
бро, и дорогіе каменья. Еще есть въ Сибири,
такъ-же какъ и въ другихъ мѣстахъ, обычай, за-
вязавши въ узелъ соли на Четвергъ, класъ ее
въ печь: это называется *четверговою солью*. Ее
сохраняютъ, какъ лекарство отъ дурнаго глаза,
и поятъ ею коровъ и шелятъ, когда они боль-
ны. Къ празднику Воскресенія Христова приго-
товляюшся, богатый какъ хочетъ, а бѣдный
какъ сможетъ; но во всякомъ домѣ пекутъ ку-
личи, красятъ яйца, дѣлаютъ сыры. Изъ доспа-
точныхъ домовъ посылаютъ разной провизіи въ
оспрогъ, въ богадѣльни. Свящую недѣлю, такъ-
же, какъ и другіе торжественные дни, прово-
дятъ въ кругу родныхъ и знакомыхъ. Изъ всѣхъ
увеселеній, извѣстныхъ въ сшолцахъ, на Свя-
той недѣлѣ только качели спавятъ на площа-
ди. Тутъ бываютъ качели круглыя, большія, съ
сидѣлками, и коньки; народъ качается, ѣздитъ,
другіе смотрятъ; но шѣмъ и кончится празд-
никъ. Въ Иркутскѣ нѣтъ театра, и за опда-
ленностію не прѣзжаютъ никогда волпижеры,

балансёры и разные искусники съ диковинками. Имена Финарди, Раппо, Кіарини извѣстны только изъ газетъ. Тѣмъ болѣе никогда не видали тамъ истинныхъ арписповъ. Во всѣ двадцать пять лѣтъ, копорыя прожила я въ Иркутскѣ, прѣзжала туда только шруппа Ипальянцевъ съ учеными собаками. Правда, это берегаеши карманы, но многіе вздыхаюши объ увеселеніяхъ столицы. Во Вторникъ на Оминой недѣлѣ бываетъ поминовение по усопшихъ, и весь народъ гуляеши тогда на кладбищѣ. Въ день Преполовенія, по окончаніи службы, ходяши изъ собора съ иконами кругомъ города; спеченіе народа бываетъ большое. Также въ Маѣ мѣсяцѣ носяши образъ Казанской Божіей Матери, со крестами и хоругвями изъ собора въ разныя села: Куду, Оёкъ, Урикъ, иногда даже въ упраздненный городъ Балаганскъ. Въ день Вознесенія многіе ходяши и ѣздяши въ Вознесенскій монастырь, гдѣ, по опслушаніи литургіи, цѣлый день гуляюши. Когда Пасха была поздняя, то въ этотъ день уже еши цвѣшы, и весело смотрѣши, какъ около вечера безпрестанно переѣзжаюши чрезъ Ангару карбазы, наполненные народомъ, и у всякаго въ рукахъ профеи весны—букеты цвѣповъ. Въ день Троицы и Духовъ день тоже многіе ѣздяши и ходяши гуляши за городъ. Мало завиваюши березку, и даже между проспымъ народомъ этого обычая нѣши. Всѣ жили Иркут-

ска, опъ богатаго до бѣднаго, любящъ гулящъ за городомъ. Любимое гулянье простаго народа около Ушаковки, пошому чшо эшо мѣсто всѣхъ ближе къ городу. Если у кого нѣтъ лошади, шо все семейство, иногда и не одно, собираются въ Воскресенье или какой праздникъ гулять на Ушаковку, пить чай и купаться. Всю ношу раздѣляютъ по часпямъ: одинъ несетъ самоваръ, другой чашки, третій булки, калачи, пироги, ведутъ и несутъ дѣшей, пошому чшо почти всѣ выбираютъ изъ дома, который запираютъ, попросивши сосѣдей посмопрѣть, или оставляютъ какую нибудь старуху, говоря по-Сибирски: *домовничать*. Прежде на Ушаковку ѣздили гулять многія хорошія фамиліи; но когда городъ распроспранился, шо эшо сдѣлалось народнымъ гуляньемъ. Многіе ѣздящъ шуда-же, но подалше, купаться, пошому чшо вода въ Ушаковкѣ довольно тепла и, говорящъ, здорова. На одномъ берегу Ушаковки, по дорогѣ къ деревнѣ Пивоварихѣ, были прежде дома кое-гдѣ, но теперь, говорящъ, многіе тамъ поселились. Верспахъ въ прехъ опъ города, по шой-же дорогѣ, естъ архіерейскій загородный домъ и при немъ большой огородъ, съ разными овощами для семинаристовъ. На другомъ берегу построено Адмиралтейство съ разными принадлежащими къ нему строеніями; ближе къ городу мельница мукомольная и при ней мельница пильная. Де-

ревни Большая и Малая Разводныя находящяся на берегу Ангары: первая въ девяти, а вторая въ семи верстахъ отъ города; далѣе по шому же берегу деревни Шукина и Крыжановщина. Около этихъ мѣстъ, начиная отъ Большой Разводной, есть много острововъ, покрытыхъ лѣсомъ и кустарникомъ; тутъ родятся множество голубицы, и пошому лѣсомъ многіе изъ городскихъ жителей ходятъ туда за ягодами. Собирающяся обыкновенно артелями, съ шѣмъ, чшобы ночевать одну или двѣ ночи, называя это: *идти на ночеву за ягодами или за грибами*. Назадъ приплывающъ на лодкахъ съ большимъ запасомъ ягодъ. Мѣста, гдѣ были прежде винокуренные заводы, называющъ въ Иркутскѣ *Каштакъ*; ихъ три: ближній, средній и дальній. Я опишу послѣдній. Туда ѣздящъ иногда гулящъ; но въ концѣ Іюля и въ Августѣ больше ѣздящъ, даже изъ богатыхъ домовъ, за грибами и особенно за рыжиками. Впрочемъ, это только предлогъ для гулянья. Да и въ самомъ дѣлѣ, мѣсто прелестное! Ключъ бьетъ изъ горы и вода въ немъ превосходная; внизу долина, по которой ключъ образуетъ ручей; кругомъ холмы, покрытые лѣсомъ. Вообще окрестности Иркутска прелестны, какъ сельская красавица; одна природа все украшаетъ, но какова эта природа! Мѣстами дремучіе лѣса, гдѣ вѣковыя деревья свалились отъ бури или грома, и лежавши

исплѣли пакъ, что прикоснись, и они разсыпаясь прахомъ. Въ глубокихъ оврагахъ ключъ не рѣдко образуетъ ручей, опушенный зеленымъ мохомъ. Вотъ узкая пропинка: она ведетъ васъ въ густой лѣсъ, гдѣ корни деревьевъ высунулись изъ земли и, кажется, свидѣтельствуютъ о своей древности. При малѣйшемъ вѣтеркѣ въ лѣсу опдаются какой-то гуль; кажется, что это древніе священные лѣса, жилища Друидовъ. При всемъ моемъ неискusstвѣ описывать, я не могу воздержаться, чтобы не описать нѣкоторыхъ извѣстныхъ мнѣ окрестностей Иркутска.

Ситниковская заимка. Заимками называютъ въ Иркутскѣ дачи. Она была построена купцомъ Ситниковымъ, послѣ смерти котораго жена его пожертвовала ее въ казну. Эта заимка верстахъ въ двадцати отъ города. Тутъ теперь и селеніе дворовъ изъ десяти. Оно на горѣ, при подошвѣ которой построенъ домъ, со всеми принадлежностями; передъ нимъ большой прудъ, гдѣ построена мельница; кругомъ рисующаяся горы, покрытыя лѣсомъ и кустарниками. Тутъ много голубицы, дикаго розмарину и багульника.

Волчья падь, верстахъ въ 20 отъ Иркутска. Туда ѣздитъ за грузями, которыхъ въ иные годы родится тамъ множество; также много голубицы. Волчья падь—узкая долина, и къ концу сходящаяся клиномъ. Кругомъ ея горы, а въ долину бѣжитъ

узкая, но глубокая рѣчка, обросшая проспникомъ, и спруиися много прекрасныхъ ключей. Прежде были шупъ два зимовья, въ кошорыхъ жилъ угольщикъ, спарикъ Ельшинъ. Носился слухъ, чпо мѣспо эпо не совсѣмъ *чисто*. Лѣсной или лѣшій (его называюшъ въ Иркутскѣ *лѣшакъ*) любилъ шупъ иногда подшучивашъ. Знакомые приходили къ угольщику ночевашъ и брашъ ягоды. Однажды набралось къ нему довольно дѣвицъ и молодицъ. Вечеромъ онъ расшупились во дворъ, начали пѣшъ пѣсни, хлопахъ въ ладоши. Спарикъ сердился, унимаешъ ихъ, говоришъ: «Полноше, не накличыше себѣ бѣды!» И вошъ онъ слышашъ хохопъ, хлопанье въ ладоши, и все эпо ближе, ближе. «Вошъ, не говорилъ-ли я вамъ? раздразили *хозяина*!» Вся молодежь пворишъ молишвы, убираешся въ зимовье, и вошъ, мало по малу, шумъ ушихаешъ и удаляешся. Но все эпо можно объяснишъ самымъ просшымъ образомъ: ешъ пакія мѣспа, гдѣ всякій звукъ повпоряешся много разъ.

Пивовариха, деревня въ 9 верспахъ опъ Иркутска. Она лежишъ въ шаконъ мѣспѣ, чпо кругомъ нѣшъ близко селеній; опвсюду непроходимые лѣса; мѣспами ешъ болопа, но ешъ и долины съ свѣшлыми испочниками. Никогда не забуду я одного прелеспнаго мѣспоположенія: долина верспы на двѣ, и кругомъ шочно

искусная рука обсадила ее купами деревь-
евъ. Все это пространство покрыто голуби-
цею. Жители Пивоварихи мало съюшъ хлѣба;
они жгущъ уголья и занимающся ловлею дичи-
ны и зайцевъ, спрѣляющъ бѣлокъ и дикихъ
козъ; женщины прядущъ мотуузъ.

Въ Сибири всѣ деревни обнесены огорожей,
копорую называютъ *поскотиной*; нигдѣ нѣтъ
соломенныхъ кровель и земляныхъ половъ; лѣсу
такое множество, что почищаютъ нужнымъ
вырубать его. Верстъ за 15 отъ города та-
кой лѣсъ, что годится на строеніе; его позво-
лено рубить всякому. Видъ изъ города черезъ
Ангару, по берегу Иркутска, очень красивъ; путь
видны, при подошвѣ горъ, покрытыхъ лѣсомъ, де-
ревни Медвѣдева, Глазкова, Кузьмиха, Жилкина.
Въ Жилкиной есть архіерейскій домъ, гдѣ лѣ-
помъ и живетъ Иркутскій Епископъ. Пройдя
города, за горою, рѣчка *Кая*; мѣстоположеніе
прекрасное, особливо весной, когда цвѣтешъ че-
ремуха, копорой путь множество.

Осень во всей Сибири есть время пространод-
ныхъ вечеринокъ, копоры тамъ называютъ *вечор-*
ками. Поводомъ къ нимъ служитъ рубленье капу-
ссы, что и называютъ *капусткой*. Когда ка-
пуста срублена, привезена и посуда для нея
готовова, то назначали день рубить капусту.
Съ вечера ходили къ сосѣдямъ просить свѣчекъ и

къ знакомымъ зваць на *капустку*. По утру обыкновенно собирались спарухи обѣкать капусту; она дѣлилась на разные сорты: бѣлую, сѣрую (копорую памъ квасяць, пересыпая ржаной мукой, и называють *кислы*), пласпинную (копорую пригопвляють для поста и дней постныхъ, оспавляя также кочаны на свѣжую) и шинкованную. Кто приходилъ на капустку, тѣхъ называли капустницами. Приходя, всѣ поздравляли хозяекъ съ капусткой, какъ съ праздникомъ, и, въ самомъ дѣлѣ, онѣ къ этому дни варили пиво (копоре въ Сибири вообще очень хорошо). Обѣдъ бывалъ хорошій; но лучшее кушанье гоповилось къ вечеру, и было привилегированнымъ блюдомъ дня: это *пирогъ хлебальный*, начиненный капустой съ рублеными яйцами. Послѣ обѣда собирались молодыя женщины и дѣвицы; мужчины приходили къ вечеру. Рубленіе сопровождалось пѣснями, а вечеромъ, когда все кончено, угощали чаемъ гостей; спарухъ и наспоющихъ работниковъ кормили ужиномъ, пошому что въ самомъ дѣлѣ для молодыхъ это была шолько предлогъ поплясать. И что за работницы нарядныя молодки, въ шелковыхъ перчаткахъ? Для дѣшей это бывалъ также праздникъ: имъ давали маленькія сѣчки, и, главное, они могли ѣсть, сколько угодно, кочарыжекъ. Послѣ чаю, дѣвицы, молодыя женщины и мужчины начинали пляску; но это были не кад-

рили и мазурки, а національная наша Русская пляска. Очень часто плясали подъ пѣсни, играли кругами, * оленемъ, боярами, макомъ, сѣями просо. Все это оканчивалось ужиномъ. Иногда послѣ ужина еще плясали; но вопрь было счастье, если могли достать скрипку! Скрипачи обыкновенно бывали самоучки; я слыхала эшихъ самоучекъ; они играли съ голосу разныя пѣсни, и очень порядочно, вѣрно. Тогда можно было плясать даже осмерку, панецъ, родъ горленки или горлицы; плясали его въ чепыре и восемь паръ.

По неимѣнію въ Иркутскѣ и во всей Сибири фруктовъ, домашнія заготовленія на зиму ограничивались огородными овощами, ягодами и разныхъ родовъ грибами, [какъ-то рыжиками и груздями. Кромѣ того что собирали грузди, рыжики и всякіе грибы въ близкихъ отъ города мѣстахъ, изъ многихъ домовъ отправляли служилыхъ довольно далеко, въ лодкахъ и на лошадяхъ. Самыя извѣстныя мѣста, куда ѣздили за грибами и ягодами: Усѣ-Балей, Усѣ-Кишой, Шведово зимовье, и Ошунъ, гдѣ была прежде мельница. Если былъ урожайный годъ, то возвращались съ грузами земныхъ произведеній. Изъ ягодъ заготовляли бру-

* Старинныя Русскія пѣсни помѣщены въ концѣ книги, равнымъ образомъ круговыя и разныя игры. Предоставляю ученымъ изысканія, когда и кѣмъ онѣ занесены въ Сибирь и къ какому времени относятся.

снику и голубицу; ихъ просто сохраняли до заморозовъ въ погребахъ, а послѣ замораживали. За брусникой отправлялись къ Байкалу и на *Гари*: такъ называютъ хребетъ горъ около Байкала, гдѣ проложена дорога кругомъ этого моря. Гарями называютъ ихъ потому, что по причинѣ бывающихъ часто *паловъ*, то есть лѣсныхъ пожаровъ, тамъ цѣлые лѣса обгораютъ; это случается въ Сибири каждую весну: иногда отъ неосторожности проѣзжихъ, копорые, готовя себѣ пищу, оставляютъ огонь не погашеннымъ, иногда отъ того, что выжигаютъ траву подъ пашню безъ надлежащихъ предосторожностей. Цѣлые лѣса горятъ такъ, что воздухъ наполняется дымнымъ запахомъ; огонь перебѣгаетъ, какъ летучіе огненные змѣи, и клубится въ разныхъ видахъ. Вечеромъ это представляетъ великолѣпное зрѣлище. Гари остаются совершенно необитаемыми. Хотя въ Швейцаріи и Савойи почти такіе-же мѣста, но тамъ все это обработано; у насъ, напрошивъ, еще такъ мало населена Сибирь, эта прелестная, плодородная страна, что много есть очаровательныхъ и удобныхъ мѣстъ не заселенныхъ. На горахъ множество чистыхъ источниковъ клубящихъ свои воды; они въ этихъ необитаемыхъ мѣстахъ обросли кустарниками черной и красной смородины. Тамъ еще много водятся медвѣдей и другихъ звѣрей; но жилили

Иркуиска ѣздящъ шуда обыкновенно дней на десять за брусникой, и вывозящъ ея каждою арпелью по 40 и болѣе ведеръ.

Въ Иркутскѣ нѣтъ такъ называемыхъ кондитеровъ, копорые, избавляя хозяевъ отъ всѣхъ заботъ, договариваются за прислугу, дающъ на прокатъ столовое бѣлье, серебро, хрусталь и все, нужное для пира. Въ Иркутскѣ у кого нѣтъ всего нужнаго для угощенія, серебра и разной посуды, тѣ просящъ ихъ у знакомыхъ; и надобно сказать, что всѣ охотно ссужающъ другъ друга. Но всякій, кто можетъ, спарается имѣть свое. Столы гоповящъ болѣе женщины, копорыя извѣстны своимъ повареннымъ искусствомъ, и тѣмъ только живутъ, что на свадьбахъ, поминкахъ, именинахъ гоповящъ столы. Поваровъ зовущъ рѣдко, и то болѣе когда приглашающъ на обѣдъ чиновниковъ. Официантовъ есть нѣсколько человекъ изъ вольноопущенныхъ, копорые вездѣ прислуживающъ и тѣмъ живутъ. Музыку обыкновенно нанимающъ полковую. За 15 лѣтъ вольныхъ музыкантовъ не было порядочныхъ.

ПОѢЗДКА ВЪ КЯХТУ.

Въ 1804 году, по торговымъ обстоятельствомъ мужу моему нужно было ѣхать въ Кяхту; но какъ онъ располагалъ прожить тамъ болѣе года, то и рѣшено было ѣхать намъ вмѣстѣ. Не смотря на разлуку съ родными, я очень радовалась этому небольшому путешествію. Въ Сибири обыкновенно ѣздятъ на почтовыхъ лошадяхъ, или нанимаютъ переменныхъ (вольныхъ); но мы, не знаю почему, поѣхали на долгихъ. Сначала наняли лошадей до Лисивяничнаго. Изъ Иркутска выѣхали мы 19-го Сентября вечеромъ и ночевали въ деревнѣ, верстъ за 25 отъ города. Рано по утру мы опять пустились въ путь, и чрезъ нѣсколько часовъ открылась

передъ нами великолѣпная карпина взморья (такъ называется мѣсто, гдѣ Ангара выпекается изъ Байкала). Тутъ находилась пристань купеческихъ судовъ и деревянная церковь во имя Николая Чудотворца *. Мы не остановились тутъ потому, что намѣрены были переправляться чрезъ Байкалъ на казенномъ гальѣнѣ; но прѣхавши къ Лисвяничному, гдѣ по-же находится нѣсколько домовъ и почтовая станція, прожили недѣлю за безвѣпріемъ. Хотя была осень и совершенное уединеніе отъ общества, но я не скучала и не могла насмотрѣться на прекрасное мѣстоположеніе. Съ одной стороны обширное пространство водъ, съ другой высокія горы, покрытыя лисвяницами; противоположный берегъ не всегда видѣнъ, но въ ясную погоду Забайкальскія горы бѣлѣются, какъ облака.

Повозки наши были перевезены на гальѣнѣ; но мы возвращались сюда только къ ночи, и цѣлый день проводили на берегу. Я ходила по горамъ, окружающимъ Байкалъ, и по лѣсамъ, гдѣ не встрѣпишься съ людьми, ибо селеній близко нѣтъ, а проѣзжихъ лѣшомъ и осенью мало, потому что многіе садятся на суда у Никольской пристани. Дней черезъ пять по прѣздѣ мы вы-

* Говорятъ, что теперь купечество, торгующее въ Кяхтѣ, намѣрено выстроить каменную церковь, и уже собрало для этого довольно большую сумму.

держали бурю; съ гальёпу съѣхатъ было нельзя, и насъ качало двой сунки. Машпросы и пассажиры всѣ спрадали морскою болѣзнію, копорую шамъ называютъ *угаромъ*; но я не испытала этой непріятности: на меня качка судна не произвела никакого дѣйствія, и я, сидя въ повозкѣ, смотрѣла на кипящую бездну. Черезъ двой сунки море (какъ шамъ называютъ Байкаль) успокоилось; къ ночи подулъ попутный вѣтеръ, и корабль полетѣлъ. Какая прелестная картина, когда корабль бѣжитъ на всѣхъ парусахъ, въ ясную ночь, и звѣзды горятъ на небѣ! Поутру мы были уже въ Прорвѣ, куда приспаяютъ суда; вышедши на берегъ, мнѣ долго казалось, что земля качается подъ ногами.

Мы переѣхали въ Посольскій монастырь. Тутъ, кромѣ монастыря, большое селеніе, въ кошоромъ мы наняли лошадей до Верхнеудинска. Деревни за Байкаломъ довольно въ близкомъ разстояніи одна отъ другой, и есть большія селенія; таковы: деревня Твараговая, Большая Заимка, Кабанскъ, Троицкій монастырь и проч. Какія прелестныя мѣста, какіе лѣса и прекрасныя пастбища! Намъ часто встрѣчались кочующія семейства Бурятъ, кошорыхъ все богатство составляютъ шабуны скопа. Уложивъ свои войлочные юрты на быковъ, они гнали свои стада. Буряты употребляютъ быковъ для работы и перевозки, а Рускіе въ Сибири никогда не дѣла-

юпть эшого. Подъѣзжая къ Верхнеудинску, оспановились мы ночевашъ въ одной деревнѣ и нашли большое семейство. Убравши хлѣбъ, жищели заморья моюпть свои избы, шо естъ спѣны и пошолокъ, и можно сказапть, что у нихъ шакая чистопша, какую найдешъ развѣ въ Голландіи. Изба хозяевъ нашихъ была большая, и все семейство пило кирпичный чай; эшо я видѣла еще въ первый разъ, пошому что въ Иркутскѣ мало пьюпть кирпичнаго чаю. Я думаю, многіе не знаюпть, что шакое кирпичный чай и какъ пригошовляюпть его? Онъ вывозишся опть Кипайцевъ, на большія суммы, и его пьюпть Ташары, Буряша и Забайкальскіе Рускіе. Они шакъ привыкаюпть къ нему, что онъ дѣлаешся для нихъ необходимъ. Многія женщины съѣдаюпть даже лиспья чаю или выварки, копорья называюпся шара. Кирпичный чай имѣешъ видъ доски, длиною вершковъ семь, шириною пяпъ, а полщиною въ вершокъ. Цѣлый кусокъ его называешся *кирпичемъ*; лиспья его, когда разваряшся, шакіяже, какъ и у обыкновеннаго чая, шолько гораздо больше; но въ чаѣ, копорый извѣспенъ подъ именемъ байховаго, одни лиспья, а въ кирпичномъ цѣлыя вѣпки. Когда надобно употребляпть эшошъ чай, шо берупть кусокъ его, смопря по количеству, сколько хошяпть пригошовишъ; спа-вляпть чугунку въ печь, и когда закипишъ вода, шолкушъ чай и кладупть въ кипяшокъ; даюпть

еще кипѣтъ, потомъ кладутъ нѣсколько коровьяго масла, соли и топленого молока. Когда все это хорошо уварится, разливаютъ чумичкою въ небольшія деревянныя чашки и пьютъ съ хлѣбомъ, *шаньгами* и пирогами. Говорятъ, что кирпичный чай очень здоровъ, и кто къ нему привыкъ, тѣ предпочитаютъ его лучшему байховому. Въ постѣ варятъ его съ толчеными вмѣстѣ съ скорлупою кедровыми орѣхами, и съ толченымъ коноплянымъ сѣменемъ, вмѣсто молока.

Въ Верхнеудинскѣ мы прожили одни сутки. Это хорошій городокъ. Рѣка въ немъ Уда; нѣсколько каменныхъ церквей; есть каменные дома, и вообще всѣ строенія хорошія. Тамошнее купечество торгуетъ въ Кяхтѣ и занимается торговлею пушныхъ товаровъ. Изъ Верхнеудинскѣ мы наняли лошадей до Кяхты. Погода была прекрасная. Селенгинскъ проѣхали мы не останавливаясь. Тутъ чаще начали намъ встрѣчаться кочевья Бурятъ. Остановясь въ одной деревнѣ ночевать, я узнала, что близко Бурятскія юрты. Мнѣ хотѣлось видѣть ихъ домашній бытъ и вошедши въ юрту, я нашла разведенный среди нея огонь, а на немъ чугунную чашу или лучше сказать кошелекъ съ приготовленнымъ кушаньемъ. Около огня стояли ребятишки, совершенно нагые; маленькій ребенокъ лежалъ въ зыбкѣ, завернутый въ овчины, и сосалъ кусокъ

баранины; мать его вблизи юрпы доила коровъ. Буряты смирны и работящи; рѣдко случается, чтобъ они попадались въ преступленіяхъ.

Когда мы подъѣхали къ Кяхтѣ, день былъ прекрасный. Гуляя, увидѣла я юрпу и нашла въ ней нѣсколько женщинъ. Тутъ было довольно чисто; въ споронѣ, на небольшомъ возвышеніи, стояли маленькіе деревянные болваны, а передъ ними въ мѣдныхъ чашечкахъ пшеница и вода. Одна спаруха Буряпка вынула листокъ тонкой бумаги, съ изображеніемъ на немъ безобразныхъ фигуръ и говорила мнѣ что-то; но я, не зная ни сколько языка ея, ничего не могла понять, кромѣ слова *Бурханъ* (такъ они называютъ своихъ идоловъ). Потомъ спаруха взяла колокольчикъ и начала звонить. Не знаю, была-ли спаруха Шаманка, или принадлежала къ поколѣнію Ламъ, но мнѣ не случилось видѣть этого въ другихъ юрпахъ.

Наконецъ мы пріѣхали въ Троицкую крѣпость. Тамъ у насъ осмопрѣли сундуки и чемоданы. Послѣ этого обряда мы заняли кварширу, гдѣ нужно было прожить нѣсколько дней до переезда въ торговую слободу. Нанявши тамъ кварширу, мы переехали на *Нижнюю плотину*: такъ называютъ торговую слободу, гдѣ живутъ купцы, и нѣтъ иныхъ жителей, кромѣ пограничнаго начальника, да священника съ при-

чешомъ. Разспояніе между Верхнею и Нижнею площиною 4 версты. Мѣсто это совершенно пустое, и на немъ не позволяющъ селиться, чшобы отвратить могущія быть злоупотребленія. Вскорѣ у насъ перебывали всѣ торгующіе Кипайцы. Они очень любопытны, и каждый хочеть видѣть прїѣзжихъ. Мужъ мой бывалъ въ Кяхтѣ и прежде; пошому нашлись изъ нихъ знакомые ему. Многіе говорятъ о Кипайцахъ болѣе дурнаго, нежели хорошаго, но я не нахожу этого справедливымъ. Конечно я видѣла Кипайцевъ только торгующихъ въ Кяхтѣ, и не могу судить о всей націи; но судя по видѣннымъ мною, они вѣжливы, умны, смѣливы, хитры. Одежда Кипайцевъ: азямъ длинный, похожій на Тапарскій, по которому подпоясанъ кушакъ; за кушакомъ у каждаго кошелекъ съ шабакомъ, огниво и полощенце; сверху азяма курма, очень похожая на наши кацавейки, только съ широкими рукавами; на головѣ шапочка, зимою съ мѣховымъ околышемъ и съ красною киспью. Ткани употребляютъ они по состоянію: у богатыхъ шелковыя и суконныя; у пѣхъ, копорые бѣднѣе, кипайчашыя азямы; но курма почти всегда шелковая или суконная. Сапоги у нихъ съ толстыми бумажными подошвами; у нѣкоторыхъ башмаки, шо-же съ толстыми подошвами, и сѣганные чулки. Лѣпомъ они всѣ носятъ кипайчашыя длинныя плашья, подобныя дамскимъ

блузамъ, и соломенные шляпы; вѣчная ихъ принадлежность—шрубка, или, какъ они называютъ, *ганза*. Трубки ихъ маленькія; у нѣкоторыхъ довольно длинные чубуки. Кипаецъ вѣчно куришь, идя по улицѣ и пришедши въ домъ. Не смотря на чинность и церемоніи Кипайцевъ, они не наблюдаютъ ихъ съ Рускими. Входя въ домъ, просто говорятъ: здравствуй, а нѣкоторые, очень знакомые, берутъ и жмутъ руку, потомъ садятся, курятъ табакъ и говорятъ между собою или съ хозяиномъ. Не знаю, правду-ли пишутъ о Кипайцахъ, что они придутъ въ гости, и по окончаніи многихъ церемоній, посидѣвши, иногда молча расходясь; всѣмъ напропивъ въ Кяхтѣ: тамъ они очень говорливы, даже шушливы и оспроумны. Всѣмъ Рускимъ даютъ свои имена и рѣдко ошибаясь въ характеръ человека. Вотъ нѣкоторыя: *жельзный громъ*, *чортовъ Капитанъ*, и разныя другія. Съ Рускими говорятъ они изломаннымъ Русскимъ языкомъ, но, привыкнувши, можно хорошо понимать ихъ.

Очень пріятно слышатъ, что купцы, торгующіе въ Кяхтѣ, учатъ нынѣ дѣтей своихъ Китайскому языку; это должно облегчить торговые сношенія. Кипайцы съ уваженіемъ обходясь съ старшими. Когда приходитъ спарикъ, то молодые уступаютъ ему мѣсто. Такое уваженіе, особливо въ родствѣ, проспирается да-

же за предѣлы жизни. У Кипайцевъ праурный цвѣтъ бѣлый. Пошерявшіе опца или мапъносятъ прауръ при года, мало по малу сокращая его; послѣдній годъносятъ сѣрое плащье. Если умеръ дальній родспвенникъ, тоносятъ бѣлый поясъ и бѣлые чулки. Кипайцы очень любятъ и ласкаютъ маленькихъ дѣшей; вѣроятно, это потому болѣе, что они живутъ въ Кяхтѣ безъ семействъ. Въ Маймачинѣ нѣтъ ни одной женщины. Кушанье готовятъ у нихъ повара. Они не любятъ неопрятныхъ женщинъ, говоря: *она адали маши*, то есть: она точно кухарка. Имъ странно, что женщины наши пишутъ. Однажды увидѣли они, что я пишу, и сказали: *а! ты еще пишешь умѣша*. Удивлялись также, что часто заспавали меня съ книгой и говорили: *ты всегда книга почитай*. У меня было между Кипайцами нѣсколько человекъ хорошо знакомыхъ, которые приходили въ мою комнату и саживали шамъ. Особенно два почтенные спарика очень любили меня; у обоихъ изъ нихъ были замужнія дочери, и они говорили со мной о своихъ семействахъ. Одинъ знакомый нашъ Кипаецъ, почтенный человекъ, былъ такъ огорченъ, получивши извѣстіе о смерти двухъ дѣшей своихъ, что долго не выходилъ никуда, да и спустя долгое время печаль выражалась на лицѣ его.

Живши въ Кяхтѣ, мы должны были очень

рано вставать, потому что по пробитии утренней зари Кипайцы выходятъ изъ Маймачина и идутъ ко всѣмъ знакомымъ. Хотя не во всякомъ домѣ есть имъ надобность, но они придутъ, сядутъ, говорятъ, курятъ табакъ; ихъ не лѣзя принимаютъ по выбору. Мѣлочники ихъ рѣдко ходятъ по хорошимъ купеческимъ домамъ, кромѣ нѣсколькихъ торгующихъ мѣлочами. Эти обыкновенно приносятъ шелкъ сученый и пѣневой для шитья гладью, карпинки, куклы, каменные колечки, будумиловые духи въ подушечкахъ, вѣера, деревянные и фарфоровыя чашки, благовонныя чепки, и множество другихъ мѣлочей, изящныхъ въ своемъ родѣ.

—

Я упоминала выше, что въ Иркутскѣ, 15 лѣтъ назадъ, можно было найдти всѣ наряды, которые носили наши прабабушки лѣтъ за 50 и болѣе; но теперь все испребляется; даже названія нарядовъ, я думаю, скоро исчезнутъ, и потому для любопытныхъ прилагаю слѣдующій реестръ. Это названія старинныхъ нарядовъ и употребляемыхъ на нихъ матерій:

Роброны.

Фуро.

Серпучки.

Шлафроки.

Круглыя плашья.

Молдаванскія плашья.

Куншуши.

Шушуны длинныя.

Шушуны съ лифомъ и съ маленькимъ ворошникомъ.

Кофты разныхъ фасоновъ.

Тълогрѣйки.

Фалборы (это родъ сарафана).

Къ тѣлогрѣйкамъ, шушунамъ и кофтамъ принадлежали:

Юпки.

Юпки иногда къ верху наспавляли другой матеріей, похуже, попому что подъ шушуномъ не видно было этого; такую наспавку называли фурмою.

Шубы. Епанча или маншилія. Онѣ дѣлались на мѣху, съ широкою опушкою и съ круглою пелеринкой.

Шуба *гречанка*, длинная, то-же съ круглою пелеринкою и съ длинными, довольно широкими рукавами.

Польки, съ рукавами и небольшимъ ворошникомъ; но ихъ не надѣвали въ рукава, а просто накидывали на плеча.

Тулупчикъ, шуба съ длинными рукавами и небольшимъ ворошникомъ; она не много подлиннѣе колѣна.

Шубочка, коропенькая, какъ нынѣшнія кацавейки, только съ длинными рукавами.

Салопы вспарину были не много длиннѣе колѣна, съ небольшимъ капишономъ.

МАТЕРІЯ ДЛЯ ПЛАТЬЕВЪ.

Разныя парчи.

Шшофы разные.

Шпофъ Кипайскій по апласу.

Шпофъ букетовый.

Шпофъ браже.

Шпофъ по саржирону.

Шпофъ Французскій.

Апласы разные съ мушками.

Полосашыя, правчашыя.

Насышь, родъ легонькой парчи.

Бархашъ съ золопомъ.

Бархашъ рышый, то есть съ узорами.

Бархашъ гладкій.

Люспринъ.

Гризешъ.

Обьяри писненныя и полуобьяри.

Перуанъ.

Перюсинъ.

Гризенпинъ.

Голи разныя, мѣлкоправчашыя и съ большими узорами.

Юпки Кипайскія шипыя.

Юпки Кипайскія рисованныя.

Гургуранъ.

Гарнипуръ Нѣмецкій и Кипайскій.

Канфы, родъ апласу—широкая и очень плотная матерія.

Канчи, родъ леваншину; по-же очень прочныя.

Лензы, легонькій апласъ.

Флеры разные.

Флеръ свистунъ.

Флеръ рисованный.

Фанза, Кипайская матерія, гладкая и черенковая, родъ тафшы, но моепся, очень хороша и удивительно крѣпка. Ее употребляли на спеганіе; дѣлаюпъ изъ нея одѣялы, юпки спеганныя, рубашки мужскія и женскія.

Урубокъ, матерія, кошую Кипайцы дѣлаюпъ изъ крапивы.

Чанчи, янчи и менчи дѣлаюпся изъ шелку не самаго лучшаго.

Тафшы Французскія и Нѣмецкія, волнистыя и полосатыя.

Кипайки разныхъ родовъ.

Дабá, бумажная матерія, разныхъ родовъ Бѣдные употребляютъ ее на рубашки мужскія и женскія, на юпки, пѣлогрѣйки и на подкладку.

ПѢСНИ СВАДЕБНЫЯ.

1.

Пѣсня, когда посадятъ жениха съ невѣстой за столъ.
Она поется въ сговоръ, дѣвичникъ и свадьбу. Первый
стихъ поется дважды, второй однажды, третий опять
дважды, четвертый однажды, и такъ далѣе.

Гдѣ былъ лебедь,
Гдѣ лебедка была?
Лебедь былъ
На синемъ морѣ;
Лебедка была
На шихихъ заводяхъ.
Нынче они
На одномъ заводѣ,
Нынче они
Одну шравку клюютъ;

Нынѣче они

Одну воду пьюшъ.

Гдѣ былъ Аншонъ,

Гдѣ Ивановичъ былъ?

Аншонъ сударь былъ, Ивановичъ былъ

Въ каменной Москвѣ.

Аксинья росла, Павловна росла

Въ высокомъ шерему.

Нынѣче они

За однимъ споломъ сидяшъ,

Нынѣче они

Одни ѣспвы ѣдяшъ,

Нынѣче они

Одну рѣчь говоряшъ.

По пропѣши пѣсни жениху и невѣстѣ, поюшъ по порядку: сначала опцу женихову, попомъ прочимъ гостямъ; сначала мужчинамъ, попомъ женщинамъ.

2.

Ужъ какъ по лугу, лугу, *

По зеленому лугу,

Туда шли, прошли при рошы,

Три военныя силы;

Попередъ идешъ рошы

Господинъ Полковникъ,

Какъ Иванъ, сударь, Полковникъ,

Какъ Пешровичъ Полковникъ;

* Къ каждому стиху припѣвъ: *оре-диди*.

На немъ шуба соболя.
 Ужь какъ люди-то спросятъ:
 Тебя кто шубой дарилъ,
 Или шестъ, или шеща,
 Или милая Лада?
 А Иванъ, сударь, скажешъ,
 А Пепровичъ-то скажешъ:
 Чшо не шестъ шубой дарилъ
 И не шеща дарила,
 И не милая Лада,
 И дарилъ меня шубой
 Государь Императоръ
 За мою службу вѣрну,
 За мою неизмѣнну;
 Я полки собираю,
 Я другіе сряжаю,
 А прешій отправляю.

3.

Какъ не яхонщѣ по горницѣ кашился,
 Не жемчужина за яхонтомъ кашилась;
 Какъ Пепръ, сударь, на сговорѣ снаряжался,
 Алексѣвичъ на веселое снаряжался;
 Хорошо его молода жена снаряжала,
 Гребешкомъ ему черныя кудри причесала,
 Жеспоко́ ему Авдошья наказала,
 Жеспоко́ ему Андреевна наказала:
 Ужь шы будешь-ли Пепръ, сударь, на сговорѣ,
 Ужь шы будешь-ли Алексѣвичъ на веселомъ?
 Ужь какъ будешь шебѣ дѣвицы пѣсни пѣши,

Какъ по имени тебя станушъ называши,
 По изочесшву тебя станушъ величаши:
 Ты дари-же, сударь, дѣвицъ не скупися,
 А дари, сударь, червонцами золошыми.

4.

Не бушуй, не бушуй
 Холодѣнь въшерь,
 Не раскачай, не раскачай
 Звонка колокола,
 Не попусти, не попусти
 Звону по землѣ,
 Не разбуди, не разбуди
 У Машвѣя жену,
 Не разбуди, не разбуди
 У Васильевича,
 Свѣшъ душу Анну, свѣшъ душу Анну Ивановну.
 Вечоръ она, вечоръ она
 Во компаньи была,
 Къ ушру бѣлу свѣшу, къ ушру бѣлу свѣшу
 Сына породилъ,
 Въ то время его, въ то время его
 Не случилось въ дому,
 Въ то время его, въ то время его
 Царь жаловалъ:
 Тремя городами, шремя городами,
 Тремя спольными.
 Въ первомъ городѣ, въ первомъ городѣ,
 Тушъ вина куряшъ,

Во вшоромъ городѹ, во вшоромъ городѹ,
 Тушъ пива варяшъ,
 Въ прешьемъ городѹ, въ прешьемъ городѹ,
 Тушъ диша кресшяшъ.

5.

Въ зеленомъ-шо саду груша
 Зашумѣла, зашумѣла.
 Ошъ чего-же въ саду груша
 Зашумѣла, зашумѣла?
 Какъ повѣяли шонкіе, буйные
 Вѣшперочки, вѣшперочки.
 У Михайла въ дому радость
 Учинилась, учинилась,
 У Ивановича въ дому радость
 Учинилась, учинилась.
 Ошъ чего-же въ дому радость
 Учинилась, учинилась?
 Молода его жѣна сына
 Породила, породила,
 А свѣшъ Оедосья, душа, сына
 Породила, породила,
 Свѣшъ Пешровна душа
 Сына породила, породила.

6 *.

Среди двора,
 Среди широка,

* Пѣніе стиховъ по одному и по два раза, какъ въ первой пѣснѣ.

Свѣша Сергѣя
 Степановича,
 Выросло
 Золошое шычье,
 Вывился
 Бѣлояровый хмѣль,
 Вырвался
 Его добрый конь,
 Вышопшалъ
 Бѣлояровый хмѣль,
 Выломалъ
 Золошое шычье.
 Всплачешся, вспужишся
 Аграфена душа,
 Всплачешся, вспужишся
 Свѣшъ Григорьевна.
 Тѣшишъ ее, тѣшишъ ее
 Свѣшъ Степанъ господинъ,
 Тѣшишъ ее, тѣшишъ ее
 Свѣшъ Васильевичъ:
 Не плачь, не шужи,
 Аграфена моя,
 Не плачь, не шужи
 Свѣшъ Григорьевна,
 Выросшешъ
 Золошое шычье,
 Вывьешся, вывьешся
 Бѣлояровый хмѣль:
 Будемъ мы жишъ
 Лучше прежняго.

Дорогая наша госпѣйка,
 А свѣшъ Марья, душа Ивановна,
 На добрыхъ коняхъ прѣхала,
 Во апласъ она, во бархашъ,
 Соболями госпѣя обвѣшаная,
 Жемчугомъ госпѣя унизаная.
 Вы берите шое госпѣйку,
 За ея-шо ручки бѣлыя,
 За ея-шо перспни злачѣныя;
 Вы ведите шое госпѣйку
 Во споловую новую горницу;
 Вы садите шое госпѣйку
 За сполы-шо, за дубовые,
 Вы за скашерши, за браныя,
 Вы за ѣспва, за сахарныя,
 Вы за пишья, за медвяныя.
 Ты покушай наша госпѣйка,
 У любезнаго у свашушки,
 У любезной своей свашьюшки.

(Эта пѣсня поется женщиной замужней, у
 кошорой есть дѣти).

Ужъ какъ по сѣнямъ, сѣнямъ, *
 По часпымъ переходамъ,

* Припѣвъ: *оре-диди* повпоряется послѣ каждого стиха.

Туда ходила, гуляла
 Дорогая боярыня,
 Свѣшъ Ташьяна Васильевна.
 Во рукахъ носишъ блюдо;
 Какъ на зóлошъ блюдѣ
 Три яхонта червлены.
 Ужъ какъ первый-шо яхоншъ
 Свѣшъ Прокопій Степановичъ,
 А впорой-шо яхоншъ
 Свѣшъ Иванъ сударь Прокопьевичъ;
 А шрепій-шо яхоншъ
 Свѣшъ Василій Прокопьевичъ;
 А какъ золошо блюдо
 Свѣшъ Ташьяна Васильевна.

9.

А свѣшъ Аннушку машушка,
 Свѣшъ Пешровну родимая,
 Въ раннюю зорю ее породила,
 Въ Воскресенскую заупреню;
 Малиною ее пáрила,
 Молочкомъ ее умывала,
 А сама-шо приговаривала:
 Ты роспи, роспи, мое дитяшко,
 Ты, умное дитя, разумное,
 Да ты счастливое, паланливое!
 Ошцу машери на честь, на хвалу,
 Роду племени на зáвидосшь.

Свѣшъ Марьюшка по двору ходила,
 Свѣшъ Андреевна по шіроку гуляла,
 Соболиная на ней шубочка до по́лу,
 Божья на ней милость до вѣка;
 Люди-то спросяшъ: чья это шакая?
 А Данило, сударь, молвишъ,
 А свѣшъ Дми́тревичъ молвишъ:
 Госпожа моя Марья,
 Боярыня моя Андревна.
 Богъ мнѣ далъ шакую,
 Умную, разумную,
 Счастливую, шаланливую.

(Поешся про молодыхъ неженатыхъ муж-
чинъ).

Алексѣй господинъ
 На шравѣ. 2.
 Свѣшъ Павловичъ
 На муравѣ. 2.
 Онъ зеленъ сафьянъ сапогъ
 Надѣваетъ. 2.
 Онъ самъ на себя
 Озираетъ. 2.
 Ахши молодецъ
 Хорошенекъ, 2.
 Ахши молодецъ
 Пригоженекъ. 2.

Какъ умѣлъ онъ у бабюшки
 Родиться, 2.
 У родимой машушки
 Снарядиться; 2.
 Онъ гораздъ изъ шуга лука
 Спрѣляши, 2.
 Гусей, лебедей
 Побиваши, 2.
 Государю Царю
 Ошсылаши; 2.
 А за то Государь Царь
 Его любитъ, 2.
 По головушкѣ
 Его гладишь. . . . 2.

12.

(Также про молодыхъ и неженатыхъ).

Зачѣмъ, соловей, 2.
 Ты одинъ во саду?
 Право, не одинъ: 2.
 Господь Богъ со мною;
 Много со мной 2.
 И гусей, лебедей;
 Больше того 2.
 Мѣлкихъ пшашечекъ;
 Тѣлько со мной нѣтъ 2.
 Бѣлой лебедушки.
 Гдѣ ей ни бытъ, 2.
 А ей бытъ у меня.

Зачѣмъ Григорій,
 Зачѣмъ Ивановичъ,
 Одинъ въ шерему?
 Право не одинъ: 2.
 Господь Богъ со мною;
 Много со мной 2.
 И Князей и бояръ;
 Больше того 2.
 Княжескихъ дѣшей;
 Только со мной нѣшъ 2.
 Моей суженой,
 Только со мной нѣшъ 2.
 Моей ряженой.
 Гдѣ ей ни бышь, 2
 А ей бышь у меня.
 Чьей ей ни слышь, 2
 А ей слышь моею.

(Когда пропоютъ пѣсни всѣмъ госпямъ, шо
 поютъ пѣсни невѣснѣ).

13.

Ахъ, ты, солнце, солнце красное!
 Ты къ чему рано закапашься,
 Ты за горы, горы высокія,
 Ты за лѣсы, лѣсы шемные!
 Ахъ, ты свѣшъ-шо наша подруженька,
 Ахъ, ты свѣшъ-шо наша голубушка,
 Аграфена, свѣшъ, Григорьевна!
 Ты къ чему рано за мужъ пошла?

Ты къ чему рано задумала,
 За дороднаго добраго молодца,
 За Семена свѣшъ Андреевича!
 Недозрѣлая въ полѣ ягодка,
 Недорослая красная дѣвица,
 Не накопила ты ума, разума!
 Ахъ! вы, свѣшъ-шо, мои подруженьки!
 Ахъ! вы, свѣшъ-шо, мои голубушки!
 Не сама-шо я за мужъ пошла,
 Не сама-шо я задумала,
 Не своей волей, охотою:
 Ошдаешъ меня сударь башюшка,
 Свѣшъ Григорій, сударь, Карповичъ,
 Государыня родна машюшка,
 А свѣшъ Марѳа, душа, Оаддеевна,
 Присудили весь и рѣдъ, племя.

14.

Я когда-шо была малешенька,
 Я когда-шо была глупешенька,
 Я ходила кругомъ лавочки,
 Вкругъ дубовой-шо я причалинки.
 Доходила-шо я, красная дѣвица,
 До родимаго до башюшки,
 До Филиппа свѣшъ Пешровича;
 Да какъ бралъ меня сударь башюшка,
 На свои-шо ручки бѣлыя,
 Говорилъ-шо сударь башюшка:
 Ты росши, росши мое дишяшко,
 Ты умное дишя, разумное,

Ты счастливое, паланливое!
 Не опдамъ я тебя, дишяшко,
 Ни за Князя, ни за боярина,
 Ни за госпя, госпя торговаго!
 А шеперь на меня прогнѣвался;
 Опдаешъ меня во чужі люди,
 Ко чужому свекру бапюшкѣ,
 Ко чужой свекрови мапушкѣ.

15.

(Поешся свапу въ сговоръ и дѣвичникъ.)

Ахъ! вы пѣшухи, пѣшухи,
 Пѣшухи рано пѣвчіе,
 Молодые Нѣмецкіе!
 Вы не пойше по ушрѣ ранѣ,
 На зарѣ рано на ушренней,
 На всходимомъ красномъ солнышкѣ,
 Не мѣшайше спать бапюшкѣ,
 Со родимой моей мапушкой!
 Какъ вечеръ мой сударь бапюшка,
 Онъ не спалъ долго вечеромъ,
 Чшо до самой до полуночи,
 Съ полуночи до зашпрени.
 Пріѣзжали ко бапюшкѣ
 Незваные госпи, нежданые,
 Свашовья все леспливые,
 Все леспливые, хваспливые;
 Вызывали моего бапюшку,
 Со родимой моей мапушкой,

На его сѣни новыя,
 На часпыя переходинки;
 Они свашались у бапюшки,
 Свѣшъ у Федора Ивановича,
 На любимой его дочери,
 А свѣшъ Марьѣ душѣ Федоровнѣ;
 Они били руки объ руки,
 Подымали чудны образы,
 Зажигали восковы свѣчи,
 Заручали буйну голову,
 Буйну голову Марьину,
 А свѣшъ Марьи, души Федоровны,
 Чшобъ не выкупишь, не выручишь,
 Чшо ни злашомъ, ни сѣребромъ,
 Дорогимъ, скашнымъ жемчугомъ;
 Только выкупишь, выручишь,
 Удамой доброй мѡлодецъ,
 Свѣшъ Прокофій Ивановичъ,
 Все опъ свапа леспливаго,
 Опъ злодѣя лукаваго.
 Синѣ море всколебалосѣ,
 Тѣмны лѣсы приклонилисѣ,
 Быспры рѣки помушилисѣ.

(Въ продолженіе времени между свадьбою и
 сговоромъ, когда пріѣзжаетъ женихъ къ не-
 вѣстѣ, поюшъ слѣдующія пѣсни):

16.

Не зычи, гоголь, 2.

Не высоко лешишь; 2.

Хотя нѣ высоко, 2.
 По поднѣбесью лечу. 2.
 Не плачь, душа Дарья,
 Не плачь, душа Пешровна;
 Не далѣко за мужъ отдають;
 Хотя нѣ далеко, 2.
 Прочь отъ бабюшки везуть. 2.

17.

Я войроманъ сѣяла, я васильчики сѣдила.
 Какъ повѣдился въ войроманъ гуляшъ
 Удамой, добрый молодецъ,
 Какъ по имени Василій господинъ,
 По опечесху Ивановичъ;
 Всю войроманъ вышопшалъ,
 Всѣ васильчики выщипалъ,
 Василису, душу, Сидоровну.
 Ужъ я спану брашцу жаловашься,
 Свѣшъ Машвѣю Сидоровичу;
 Какъ опвѣшъ держишъ Машвѣй господинъ,
 Опвѣчаешъ, свѣшъ Сидоровичъ:
 Государыня сесприца!
 Самъ я холосшъ, не женашъ,
 Самъ я войроманъ шопчу,
 Самъ васильчики щиплю,
 Самъ красныхъ дѣвицъ смошрю.

18.

Вы мешитесь улицы,
 Вы мешитесь широкія,

Спановишеса гóроды,
 Городы́ съ пригорòдками,
 Теремы съ пришеремочками!
 Хоробрò ѣздишь Пепрь господинъ,
 Хоробро ѣздишь Ивановичъ,
 На своемъ на добромъ на конѣ,
 На любимомъ своемъ бахмашъ;
 Коня плеточкой поспегиваешь,
 Со дороженьки сворачиваешь,
 Ко двору́ приворачиваешь,
 Ко двору-шо, къ двору тѣсшеву,
 Къ новой горницѣ, ко шещиной,
 Къ шерему-шо, свѣшь, Авдошья души,
 Къ высокому, свѣшь, Сшепановны.
 А ты спишь-ли, не спишь-ли, Авдошья моя,
 А ты спишь-ли, не спишь-ли, Сшепановна моя?
 Какъ опвѣшь держишь Авдошья ему,
 Опвѣчаешь свѣшь Сшепановна ему:
 Я еще, сударь, нѣ швоя;
 Я Божья, да свѣша башюшкина,
 Свѣшь Сшепана Тимооеича,
 Государыни родной машушки,
 Аграфены, свѣшь Семеновны;
 Я злашымъ вѣнцомъ не вѣнчаная,
 Злашымъ перспнемъ не обрученая.

19.

Какъ во свѣшлой во свѣшлицѣ,
 Во споловой новой гóрницѣ,
 Какъ въ кушѣ, за занавѣсой,

Тушъ сидѣла красна дѣвица,
 Свѣшъ Машрена Архиповна;
 Подняла кушъ занавѣсу,
 Какъ взвела очи ясныя,
 Какъ по всей свѣшлой свѣшлицѣ,
 По споловой новой горницѣ;
 Какъ увидѣла, обобзила
 Своего брата родимаго,
 Свѣшъ Ивана Архиповича.
 Государь, братецъ миленькій,
 Свѣшъ Иванъ, сударь, Архиповичъ!
 Ты поди, братецъ миленькій,
 Ты на свой на конюшій дворъ;
 Поймай, братецъ миленькій,
 Своего коня добраго,
 Своего иноходаго;
 Осѣдай, братецъ миленькій,
 Во сѣделушко Черкасское,
 Во уздечку шелковую;
 Поѣзжай, братецъ миленькій,
 Ты во далече въ чистое поле,
 Въ раздолье широкое;
 Засѣки, братецъ, засѣку
 Отъ Востока до Запада,
 Отъ земли да и до неба,
 Ни пройди-бы, ни проѣхаши,
 Что ни конному, ни пѣшему,
 Что ни спарому, ни малому,
 Ни большому, ни среднему,
 Ни моему-то суженому,
 Ни моему-то ряженому,

А свѣшъ Дмитрію Ивановичу,
 Со своимъ скрушнымъ поѣздомъ;
 А опшуда, брашець миленькій,
 Поѣзжай, брашець миленькій,
 На кружало Государево;
 Ты спроси, брашець миленькій,
 Ты у спараго, у малаго,
 У большаго, у середняго,
 Про моёго-шо суженаго,
 Про моёго-шо ряженаго,
 Свѣшъ про Дмитрія Ивановича:
 Онъ не пьешъ-ли пива пьянаго,
 Зелена вина двоенаго?
 Не играешъ-ли костью, каршами,
 И во всю игру Нѣмецкую?
 Вамъ опдашь-бы, да не каяшься,
 А мнѣ жишь-бы, да не плакашься,
 Не сидѣшь-бы долго вечеромъ,
 Чшо до самой до полуночи.

—

ПѢСНИ, ПОДЪ КОТОРЫЯ ПЛАСЫВАЛИ НА ВЕЧЕРИНКАХЪ.

1.

Во саду было, подъ яблонью,
 Во зеленомъ, подъ кудрявою,
 Соловей воцекѡчешъ,
 Молодой воцекѡчешъ.

Въ шерему-шо
 Свѣшъ у Марьи души,
 Въ високомъ-шо у Ивановны,
 Красны дѣвицы играюшъ.
 Ужъ шы слышишь-ли,
 Марья душа,
 Ужъ шы слышишь-ли, Ивановна?
 Тебя башюшка кличешъ,
 Тебя свѣшъ родмой кличешъ!
 Охъ! вы свѣшъ-шо мои подруженьки,
 Зачѣмъ раньше не сказали,
 А я право не слыхала.

2.

У души красной дѣвицы
 Новый огородецъ,
 Новый, новый огородецъ,
 Часной часпоколецъ;
 Пошашился, повалился,
 Къ землѣ приклонился.
 Ошъ того-же ошъ шынѣчка
 Лежашъ при слѣдочка,
 Три слѣдочка, два слѣдочка
 Снѣжкомъ призапали,
 Про меня, красну дѣвицу,
 Небыль наказыали.
 Небыль, небыль, небылицу,
 Не былыя рѣчи:
 Будшо я, красна дѣвица,
 Порану всшавала,

По ушпру рано вcпaвaлa,
 Гoлoвy чeсaлa,
 Рѹсу кoсу зaплeшaлa,
 Лeншoчку вплeшaлa,
 Дрyгa прoвoжaлa;
 Прoвoдилa мѣлa дрyгa
 Дo зeлeнa лyгa,
 Дo зeлeнaгo лyжeчкa,
 Дo пoлy - дoрoги;
 Сo пoлy-шo я дoрoжки
 Дoмoй вoрoшилacь,
 Нaзaдъ, нaзaдъ вoрoшилacь.
 Съ милымъ нe прoшлacь.

3.

Изъ бoрy, бoрy,
 Изъ зeлeнaгo,
 Спyчaлa, гpeмѣлa
 Быcпpая рѣчкa.
 Oбpocлa быcпpа рѣчкa
 Кaлинoй, мaлинoй.
 Нa кaлинoвoмъ мoшпoчкѣ
 Сидѣлa гoлyбкa,
 Нoжeньки мылa,
 Пeрeмывaлa,
 Свoe cѣзo пѣрышкo
 Пѣpeбирaлa.
 Пeрeбpaвши cѣзo пѣрьe,
 Сaмa взвoркoвaлa:
 Зaвпpа, пo ушпpу
 Бaпюшкa бyдeшъ;

Хопъ онъ будешъ, аль не будешъ,
Тоски не убудешъ,
Въ двое, въ шрое у голубки
Печали прибудешъ.

4.

Окола сыраго дуба *

Распешъ чернь черница,
А во шой-ли во черницъ
Черенъ соболь скачешъ;
Поскачи, поскачи соболь
По чѣстому полю,
Поплови, поплѣви уша
По шиху Дунаю;
Ищи себѣ друга,
Копораго любишь.

Скачите, вы, дѣвушки, пляшите,
Вы, холосные, не смошрите,
Смошрючи дѣвушку не взяши,
Взяшь, не взяшь по любви,
По башюшкину благословенью,
По мапушкину умоленью.

* Каждый стихъ повторяется.

ПѢСНИ КРУГОВЫЯ.

1.

(Одинъ ходишь и поешь. Кого онъ называешь по имени, тѣ къ нему приспѣваютъ, покуда всѣ играющіе не соберутся. Тогда начинаютъ другія игры).

Чирикъ, пырикъ у ворошъ,
Воробушекъ маленькій!
Ахъ! брашцы, мало насъ,
Голубчики, нѣмножко!
Въ хороводъ людей мало,
Веселишься не съ кѣмъ спало.
Ахъ! брашцы, мало насъ,
Голубчики, нѣмножко!
Максимъ, сударь, поди къ намъ,
Егоровичъ прислупись!
Ахъ! брашцы, мало насъ,
Голубчики, нѣмножко!

2.

(Всѣ играющіе становятся въ кружокъ. Одна дѣвушка посрединѣ круга; мужчина ходишь вокругъ и поешь).

Царевъ сынъ хоробѣръ,
Да ты чшѣ ходишь, гуляешь,

Царевъ сынъ хоробѣръ,
 Да шы что примѣчаешъ.
 Царевъ сынъ хоробѣръ.

★

Я хожу, хожу, гуляю,
 Я хожу, примѣчаю,
 Да свою я Царевну,
 Да свою Королевну.
 А моя-шо Царевна,
 А моя-шо Королевна
 Въ Новѣ-городѣ гуляешъ,
 На ней вѣнчикъ сіяешъ,
 Сарафанъ на ней камчашный.

★

Ты войди, Царь, во гóродъ,
 Ты возьми ее за ручку,
 Поклонись низенько,
 Поздоровайсь миленько.

3.

Ходишъ Царь
 Около города,
 Около висока;
 Ищешъ Царь,
 Ищешъ Царь
 Царевну свою,
 Королевну свою.

4.

Я хожу, хожу
 Кругомъ городà,
 Я сѣку, рублю
 Мечёмъ ворошà,
 Еще все-ли я
 Красну дѣвицу ищу;
 Еще гдѣ я
 Красну дѣвицу найду,
 Тушъ ее
 Злашымъ перспнемъ подарю.

5.

Заплешися, плешень, заплешися,
 Ты завейся, пруба золошая,
 Завернися, камка хрущашàя!
 Ужь какъ сѣрая ушица
 Попопила малыхъ дѣшушекъ,
 Во меду, да во пàшокъ,
 Да во ѣспвѣ сахарномъ,
 Да во пишѣ медвяномъ.

6.

Подъ кòренемъ олень,
 Да подъ дубовымъ олень.
 Тепло-ли те, олень?
 Сшудено-ли те, олень?
 Мнѣ не по шеплò,
 Мнѣ не по спуденò.

Пріодѣнься олень,

Пріокушайся.

Какъ со дѣвушки вѣнокъ,

Со мѡлодушки плашокъ,

Со старѡй бабы шлыкъ,

Со малаго ребеночка пеленочка,

Съ мужичка, бурлачка,

Поль-корабличка.

(Кто сидишь въ кругу оленемъ, шось собираешъ со всѣхъ плашки, леншы, и когда соберешъ со всѣхъ, то ему поюшь).

Сиди, сиди, ящеръ — ладу́, ладу́!

На золошъ спулъ — ладу́, ладу́!

Грызи, грызи ящеръ — ладу́, ладу́!

Орѣховы ядра — ладу́, ладу́!

7.

(Играющіе раздѣляются на двѣ стороны).

1.

Бѡяре! да вы по чшѡ пришли?

Молодыѣ, да вы по чшѡ пришли?

2.

Княгини! да мы невѣсшъ смопрѣшъ!

Молодыя, да мы невѣсшъ смопрѣшъ!

1.

Бòяре! покажи́ше жени́ха,
Молоды́е, покажи́ше жени́ха.

2.

Кня́гини! во се на́шъ жени́шокъ!
Молоды́я, во се на́шъ жени́шокъ.

1.

Бòяре! покажи́ше кафша́нъ,
Молоды́е, покажи́ше кафша́нъ.

2.

Кня́гини! во се на́шъ кафша́нъ!
Молоды́я, во се на́шъ кафша́нъ.

1.

Бòяре! покажи́ше куша́къ,
Молоды́е, покажи́ше куша́къ.

2.

Кня́гини! во се на́шъ куша́къ!
Молоды́я, во се на́шъ куша́къ.

1.

Бòяре! покажи́ше сапо́ги,
Молоды́е, покажи́ше сапо́ги.

2.

Кня́гини! во се на́шъ сапо́жокъ,
Молоды́я, во се на́шъ сапо́жокъ.

Бояре! поздоровашься!

Молодые, со всѣмъ поѣздомъ!

—

ЗОЛОТО ХОРОНИТЬ.

И я золошо хороню,

Чисто серебро хороню;

Я у башюшки въ шеремѣ,

Я у мапушки въ высѣкомъ.

Паль, паль персень

Въ калину, въ малину,

Въ черную смородину.

Гадай, гадай, дѣвица,

Въ чужой рукѣ былица.

Еще дѣвицы гадали,

Еще красныя гадали,

Да не ошгадали.

Очушился персень

Да у дворянина, да у молодого,

На правой на ручкѣ,

На лѣвомъ мизинцѣ.

Черезъ поле идучи,

Русу косу плешучи,

Шелкомъ приплешаючи,

Злапомъ увиваючи.

Куда ушка шла,

Туда пыль прошла;
 Куда я молода,
 Туда рожь гусша:
 Овинисша, примолòшисша,
 Еще изъ зерна коврига,
 Изъ полузерна пирогъ,
 Въ голенище широкъ,
 Въ шопорище высокъ.

ПѢСНИ ПОДБЛЮДНЫЯ.

1.

ПѢСНИ ХЛѢБУ И СОЛИ.

Хлѣбу, да соли дологъ вѣкъ, слава!
 Государю нашему долъ того, слава!
 Государь нашъ не спарѣется, слава!
 Его добрые кони не ѣздяшся, слава!
 Его цвѣшное плашье не носишся, слава!
 Его вѣрные слуги не спарѣются, слава!

2.

Еще ходишъ Никола по погребу, слава!
 Еще ищешъ Никола не полного, слава!

Чшо не полнаго, не покрышаго, слава!
 Еще хочешъ Никола дополниши, слава!
 Да кому мы спѣли, шому добро, слава!
 Кому вынешся, скоро сбудешся, слава!
 Скоро сбудешся, не минуется, слава!

3.

Еще на небѣ
 Да двѣ радуги,
 Какъ у нашего хозяина
 Двѣ радости:
 Еще первая радость —
 Сына женилъ,
 А другая-то радость —
 Дочь за мужъ ошдалъ;
 Еще за сыномъ
 Корабли бѣгушъ,
 А за дочерью
 Сундуки везушъ.
 А кому мы спѣли, шому добро,
 Кому вынешся, скоро сбудешся,
 Скоро сбудешся, не минуется.

(Три послѣдніе спиха поюшся къ каждой
 пѣснѣ).

4.

Лѣнивая лѣнивица,
 Лѣнилася она
 Часшо по воду ходишъ;
 Она шаяла снѣгъ

На печномъ столбу;
 Она вышала
 Позолóшъ пёрсшень,
 Позолòшъ пёрсшень
 О шрехъ сшавочкахъ;
 Да кому эшимъ перспнемъ
 Обручашися?
 Еще опроку съ опрочицею,
 Добру молодцу со дѣвицею.

5.

Курочка, погребушечка,
 Да греблася она на завалинкѣ,
 Еще выгребла позолóшъ персшень,
 Позолошъ персшень о шрехъ сшавочкахъ.
 Да кому эшимъ перспнемъ обручашися?
 Еще опроку съ опрочицею,
 Добру молодцу со дѣвицею.

6.

Я брошу подушку черézъ вороша.
 Ты пади, моя подушка, черézъ вороша,
 Чшо черезъ вороша, во высóкій шерёмъ,
 Изъ висока шерема на шесовую кровашь.
 Да кому на шой подушкѣ спашь, почивашь?
 Еще опроку съ опрочицею,
 Добру молодцу со дѣвицею.

ПѢСНИ РАЗНЫЯ СВАДЕБНЫЯ.

1.

Волга рѣка
 Разливается,
 Широка камка
 Разспилается;
 Григорій на конѣ,
 Петровичъ на добромъ,
 Спошѣшается.
 Машрена въ шеремѣ,
 Машвѣвна въ високомъ,
 Снаряжается.
 Снарядилась,
 Горько плакала,
 Какъ будешь идши
 Во чужіе люди;
 Какъ будешь звашь
 Свекра бапюшкомъ.
 Бапюшкомъ звашь мнѣ не хочешся,
 Свекромъ звашь шакъ не водишся.
 Убавлю я спѣси, гордоспи,
 Прибавлю я ума, разума,
 Буду звашь 2.
 Свекоръ-бапюшка.

2.

Какъ во свѣшлой во свѣшлицѣ,
 Во споловой, новой горницѣ, оре-ди-ди.
 За споломъ было дубовымъ.
 Тушъ сидѣла красна дѣвица,
 Свѣшъ Анна Ивановна, оре-ди-ди.

Ко столу припадаешъ,
 Ко ошцу причипаешъ:
 Государь, родной башюшка,
 Свѣшъ Иванъ, сударь, Ивановичъ!
 Ты спиши лице бѣлое
 На столъ бѣлодубовомъ.
 У тебя госпи будущъ,
 У тебя меня спросяшъ,
 У тебя меня нѣшу.
 Ты на столъ-шо взглянешъ,
 Меня дѣвицу вспомянешъ,
 Свѣшъ Анну Ивановну.

3.

Вокругъ моря, вокругъ синяго,
 Вокругъ синяго моря Хвальнскаго,
 Облегли шуманы, со маревами.
 У души, у красной дѣвицы,
 У Машрены души Дмишревны,
 Вокругъ ея решиваго сердца,
 Облегла попка со кручиною.
 Государь мой, родной башюшка,
 Свѣшъ Дмишрій Степановичъ!
 Ты возьми саблю оспрую,
 Ты сними мою бѣлую грудь,
 Посмотри решивое сердце.
 Свѣшъ мое дитяшко любезное,
 Свѣшъ Машрена душа Дмишревна!
 Нечего брашъ саблю оспрую,
 Нечего снимаешь швою бѣлую грудь,
 Нечего сморѣшь решивое сердце.

Знашь тебя дитяшко
 По бѣлому лицу:
 Бѣлое лицо пріусмягнуло,
 Алые румянцы призакрылися,
 Ясныя очи помушилися,
 Изъ очей слезы капилися.

4.

Ахъ, шы свѣшъ моя, свѣшлая свѣшлица,
 Ахъ, шы свѣшъ-ли моя, споловая горница,
 Во сыромъ-шо бору свѣшлица роняна,
 По тихому Дону свѣшлая павлена,
 На прекрасномъ мѣстѣ свѣшлица спавлена,
 Косящашыми окошками во зеленый садъ,
 Крушымъ краснымъ крылечкомъ во широкій дворъ.
 Какъ во шой-ли-шо во свѣшлой во свѣшлицѣ,
 Какъ во шой ли во споловой, новой горницѣ,
 Наспавлены сполы-шо все дубовые,
 Разоспланы скашерпи браныя;
 А за шѣмъ ли споломъ бѣлодубовымъ
 Сидѣлъ удалой, добрый молодецъ,
 Какъ по имени Василій сударь Григорьевичъ.
 Онъ игралъ въ гусли звончашыя,
 Онъ наигрывалъ волю, волю башюшкову,
 Онъ наигрывалъ нѣгу, нѣгу машушкину.
 Приходила гусли слушашъ Ольга душа,
 Приходила гусли слушашъ Аѳанасьевна;
 Она слушала гусли, сама вонъ пошла,
 Сама вонъ пошла, горько заплакала.
 Ахъ шы свѣшъ-шо воля, воля башюшкина,
 Ахъ шы свѣшъ-ли нѣга, нѣга машушкина.

Опсспавашь-шо будешь опъ воли, воли башюшкиной,
 Опсспавашь-шо будешь опъ нѣги, нѣги машушкиной,
 Привыкашъ-шо будешь ко праву свѣшъ Василія,
 Привыкашъ-шо будешь ко праву свѣшъ Григорьевича.

5.

На морѣ ушка купалася, 2.
 На синемъ сѣрая полоскалася, 2.
 На камушкѣ ушка крылами шрясла, 2.
 На бережку ушка сушилася. 2.
 Какъ-шо будешь съ моремъ расспавашися, 2.
 Какъ-шо будешь съ синимъ расспавашися, 2.
 На дворѣ, дворѣ, 2.
 У Софрона свѣша у Никишича 2.
 Горяшъ огни, 2.
 Огни, полыньи, 2.
 На шѣхъ на огняхъ, 2.
 Все кошлы спояшъ, 2.
 Во шѣхъ во кошлахъ 2.
 Гуси, лебеди кипяшъ; 2.
 На красномъ крыльцѣ 2.
 Барабаны бьюшъ. 2.
 Во шеремѣ 2.
 У Наспасьи души, у Софроновны
 Тепляшся свѣчи 2.
 Воску яраго, 2.
 Молишся Богу 2.
 Свѣшъ Наспасья душа,
 Свѣшъ Софроновна:
 Создай мнѣ, Боже,

Свекра ласковаго,
 Свекровь привѣшливу!
 Милаго ладу 2.
 Наипаче шого. 2.

6.

Ахъ ты камень, камешекъ,
 Самоцвѣтный, лазоревый!
 Излежался камешекъ,
 На крушой горѣ прошивъ солнышка.
 Я брошу камешекъ,
 Въ огонь, въ полымя:
 Разгорись мой камешекъ,
 Въ огонь, въ полымъ,
 Разсыпся камешекъ,
 На чешыре спороны.
 Расплачься дѣвица,
 Расплачься красная,
 Парасковья Дмишревна,
 Передъ своимъ бапюшкомъ,
 Передъ родимой машушкой:
 Государь мой бапюшка,
 Свѣшъ Дмишрій Андреевичъ!
 Государыня машушка,
 Свѣшъ Анисья Васильевна!
 У васъ сердце каменное,
 Во булашѣ сковано,
 Во ларцѣ положено,
 Ключи въ морѣ спущены;
 Не всплывашь-шо шѣмъ ключамъ

Со дна моря синяго,
 Со дна Хвалынскаго;
 Не бывашь шой жалости,
 У родимаго башюшки,
 У родимой у машушки,
 До своего дияшка,
 До Парасковьи Дмитриевны.

(Слѣдующія пѣсни поются въ дѣвичникъ).

7.

Какъ у груши зеленыя, *
 Какъ у яблони кудрявыя,
 Много вѣшья шелковаго,
 Много лисья бумажнаго;
 Только нѣшъ у этой грушицы
 Золошой одной вершиночки.
 У души, у красной дѣвицы,
 Свѣшъ у Ольги Ивановны,
 Много роду, много племени,
 Много брашцевъ, сесприцъ,
 Много дядюшекъ, пешушекъ,
 Только нѣшъ у красной дѣвушки
 Родимаго башюшки.
 Разспупись ты мать сыра земля,
 Ты раскройся гробова доска,
 Пробудися мой родной башюшка,
 Свѣшъ Иванъ сударь Ивановичъ!

* Пѣсню эту поютъ когда у невѣсты нѣшъ опца или матери.

Мнѣ нужно тебя, очень надобно,
Приняшь отъ тебя благословеньице,
Ко суду Божию, ко злашу вѣнцу.

8.

Замело-то пущь, дорожиньку,
Призапали слѣдки башмачные,
Не бывашь-то мнѣ, не гащивашь
У любезной своей подруженьки,
У Надежды души Васильевны,
Во своей-то дѣвичей красотѣ,
Во своей-то шрубчающей косѣ.

9.

Ужъ какъ по морю корабль бѣжишь,
По синему черенъ бѣжишь;
По бережку красна дѣвица идешь;
Она вскрикнула, гаркнула,
Своимъ-то зычнымъ голосомъ:
Корабельщички, гребщички,
Вы приспавъше ко бережку,
Вы возьмише грамошку,
Ко моей то родной пешушкѣ,
Свѣшь Анисѣ душѣ Михайловнѣ.
Напишу-то грамошку
Не перомъ, не чернилами,
А своими горячими слезами;
Запечаю грамошку
Я шоскою, кручиною.

Ахъ шы тысяцкій воевода, оре-ди-ди. *
 Свѣшъ Парменъ воевода,
 Господинъ воевода, воевода,
 Свѣшъ Кондрашъевичъ воевода,
 Да шы ѣздилъ въ Угру
 Торговаши, шорговаши;
 Да шы бралъ, сударь,
 Не кунами, не кунами,
 И не черными соболями, соболями,
 А шы бралъ, сударь,
 Дѣвицами, дѣвицами,
 Все со русыми со косами, со косами,
 Со дѣвичьими красошами, красошами.

Какъ не ласпочка, не касашочка
 Вкругъ шепла гнѣзда увивалась;
 Она билась, она билась,
 Она бѣлая убивалась.
 Свѣшъ Марья, свѣшъ Пешровна,
 Вкругъ висока шерема ходила.
 Ошоприся, ошоприся,
 Мой высокъ шеремъ ошоприся;
 Ошомкнися, ошомкнися,
 Мой вишой замочекъ, ошомкнися;
 Ошворися, ошворися

* Оре-ди-ди повпоряется послѣ каждого стиха.

Бѣлодубовая дверь, отворися;
 Распахнися, распахнися,
 Шишой, браной полужекъ, распахнися;
 Разбудися, разбудися,
 Сударь-башюшко, разбудися.
 Мнѣ не годъ-шо, мнѣ не годъ-шо,
 Мнѣ не годъ-шо у тебя годоваша;
 Мнѣ не лѣшо, мнѣ не лѣшо,
 Мнѣ не красное лѣшо госпиши;
 Мнѣ не зиму, мнѣ не зиму,
 Не спуденую зиму зимоваша:
 Одну ночку, одну ночку,
 Одну шемную ночеваша.
 Не знашь ходя, не знашь ходя,
 Не знашь ходя мнѣ ночь проходиши;
 Не знашь сидя, не знашь сидя,
 Не знашь сидя мнѣ ночь просидѣши;
 Не знашь съ башюшкомъ, не знашь съ башюшкомъ,
 Не знашь съ башюшкомъ говориши,
 Не знашь съ машушкой думу думаешь,
 Не знашь съ родимою думу думаешь.

12.

Перепелочка, ласпочка,
 Ты зачѣмъ рано вылетаешь
 Изъ своего гнѣзда шеплаго?
 Ахъ, вы свѣшъ мои малыя ппашечки,
 Ахъ, вы свѣшъ мои носашыя!
 Не сама шо я вылѣшываю
 Изъ своего-шо изъ шеплаго гнѣздышка:

Выбиваешъ меня младъ, ясенъ соколъ,
 Онъ своимъ-то могучимъ крыломъ.
 Ахъ, ты свѣшъ-то наша подружинька,
 Ахъ, ты свѣшъ-то наша голубушка,
 Свѣшъ Марья душа Ивановна.
 Ты къ чему рано за мужъ пошла,
 Ты къ чему рано задумала
 За дороднаго добраго молодца,
 За Василья свѣшъ Васильевича.
 Ахъ, вы свѣшъ мои подружиньки,
 Ахъ, вы свѣшъ мои голубушки!
 Не сама-то я за мужъ пошла,
 Не сама-то я задумала;
 Ошдаешъ меня сударь башюшка,
 Свѣшъ Иванъ сударь Прохоровичъ,
 Съ государыней родной машушкой,
 Свѣшъ Анисей душой Андреевной:
 Пришакнули имъ весь родъ, племя.

13.

Не соколъ залешаетъ, оре-ди-ди.
 Не крыломъ замешаетъ.
 Свѣшъ Машвѣй заѣзжаетъ,
 Свѣшъ Андреевичъ заѣзжаетъ.
 Душу Дарью залучаетъ,
 Свѣшъ Пешровну залучаетъ;
 А свѣшъ Дарья душа плачешъ,
 Свѣшъ Пешровна душа плачешъ;
 А Машвѣй ее шѣшишъ,
 Свѣшъ Андреевичъ ее шѣшишъ:
 Ты не плачь, душа Дарья,

Ты не плачь душа Пешровна!
 Не въ полонъ я тебя беру,
 Не въ полонъ полоню,
 Я беру тебя, Дарьюшка,
 Я беру тебя, Пешровна,
 Я ошъ башюшки къ башюшкѣ,
 Я ошъ машушки къ машушкѣ,
 Я ошъ брашцевъ-шо къ брашцамъ,
 Ошъ сесприцъ-шо къ сесприцамъ,
 Какъ ошвѣшъ шо держишъ Дарья душа,
 Ошвѣчаетъ Пешровна ему:
 Я сама про шо знаю,
 Я сама про шо вѣдаю,
 Чшо ошъ башюшки къ свекору,
 Ошъ родной ошъ машушки къ свекрови,
 Чшо ошъ брашцевъ къ деверьямъ,
 Ошъ сесприцъ къ золовкамъ.
 Мнѣ не на будешъ нѣга,
 Какъ у родимаго башюшки,
 Какъ у родимой у машушки.

14.

(Пѣсни, копорыя поюшъ въ свадьбу).

Изъ-за лѣса, лѣса темнаго,
 Изъ-за лѣса дремучего,
 Лешишъ спадо гусиное,
 А другое лебединое.
 Ошсшавала лебедь бѣлая,
 Прочъ ошъ спада лебединаго;

Приспавала лебедушка
 Ко спаду, спаду гусиному.
 Не умѣешь лебедушка
 По гусиному кликаши.
 Ее спали гуси щипашь,
 А лебедушка кликаши:
 Не щиплише, гуси сѣрые,
 Не сама я къ вамъ залешѣла,
 Занесли меня вѣшры буйные,
 Вѣшры буйные, осеніе.
 Отспавала красная дѣвица,
 Парасковья Сшепановна,
 Ошъ своихъ шо подруженекъ,
 Приспавала Парасковьюшка
 Къ молодымъ-шо молодушкамъ.
 Начали ее бабы журиши.
 Не журише, молодушки!
 Не бранише, голубушки!
 Не сама я къ вамъ заѣхала,
 Завезли меня добрые кони,
 Свѣшъ добрые кони Борисовы,
 Свѣшъ добрые кони Ивановича.

15.

Возлелѣй, лелѣй, Волга-рѣка, спруею!
 Ужъ не долго тебѣ лелѣяши спруею
 Ты пошѣшь, шы пошѣшь,
 Машвѣй, сударь, дочь;
 Ты пошѣшь, шы пошѣшь,
 Сударь Ивановичъ дочь;

Ужъ не долго тебѣ пѣшиши;
Одинъ часъ до суда Божія,
Одинъ часъ до злата вѣнца.

(Когда благословяшъ невѣсту образомъ отецъ и
мать, и посадишъ за столъ, поюшъ пѣсню).

16.

Благодарствую, батюшка,
Свѣшъ Игнашій Филашовичъ,
Тебѣ на хлѣбъ, на соли,
На премногой швоей милоспи;
Ты поилъ, кормилъ, жаловалъ,
И ни въ чемъ не опказывалъ.
Не опказывай, батюшка,
Ошъ своего благословеньца;
Какъ швое-шо благословеніе,
Какъ швое-шо великое,
Изъ темныхъ лѣсовъ выведешъ,
Изъ синя моря вынесешъ,
И ошъ злыхъ людей оборонишъ.

(Когда пріѣдешъ женихъ за невѣстою).

17.

Шло солнце по залѣсью,
Шла наша Софьюшка по засполью,
Бросила ключи, 2.
О дубовый столъ.

Я тебѣ, бапюшка, 2.

Не ключница,

Свѣшъ родной, 2.

Не ларечница.

Ключница я 2.

Свекру бапюшкѣ,

Ларечница я 2.

Свекрови мапушкѣ.

18.

Среди было двора, оре-ди-ди.

Среди широка,

Свѣшъ Василья,

Свѣшъ Ивановича.

Соѣзжались,

Собирались,

Князья, бояре;

Думали они

Думу крѣпкую:

Какъ идши къ Василью во дворъ,

Какъ идши свѣшъ къ Ивановичу,

Какъ намъ взяшь Марью душу,

Какъ намъ взяшь Васильевну.

Какъ выискался

Удалой, добрый молодецъ,

Свѣшъ Григорій господинъ,

Свѣшъ Андреевичъ.

Во се я пойду,

Во се я возьму,

Свѣшъ Марью душу,

Свѣшъ Васильевну.

Ужъ какъ у броду, броду, оре-ди-ди.

У калиноваго моспа.

Тушъ спояли Князья, бояре,

Бояре все Васильевы,

Бояре все Семеновича;

Они просили, молили

У Пешра-свѣша милоспи,

У Ивановича жалоспи.

А свѣшъ Пешръ сударь вышелъ,

Онъ добра коня вывелъ;

Они взяли, поклонилися,

Опошли они похулили:

Еще что эшо за конь,

Еще что эшо за добрый?

Нѣшъ сѣдельшка Черкаскаго,

Нѣшъ уздечки шелковой.

Ужъ какъ у брода, брода

У калиноваго моспа.

Тушъ спояли Князья, бояре,

Бояре все Васильевы,

Бояре все Семеновича.

Они просили, молили,

Свѣшъ у Марѣи-души милоспи,

Свѣшъ у Ѳедоровны жалоспи.

А свѣшъ Марѣа вышла,

А свѣшъ Ѳедоровна вышла,

Кованой ларецъ вынесла.

Они взяли, поклонилися,

Опошли они, похулили:

Еще что это за ларчикъ,
 Еще что это за кованый?
 Нѣшъ замочка серебряна,
 Нѣшу ключика золочена.
 Еще у брода, брода,
 У Калиноваго моста.
 Тушъ спояли Князья, бояре,
 Бояре все Васильевы.
 Бояре все Семеновича.
 Они просили, молили,
 У Ѳедосьи-души милоспи,
 У Филипьевны жалоспи. *
 Свѣшъ Ѳедосья душа вышла,
 Свѣшъ Филипьевна вышла,
 Красну дѣвицу вывела.
 Они взяли, поклонилися,
 Опошли, похвалили,
 Еще чшождъ это за дѣвица,
 Еще чшождъ это за красная!
 Чшо со русой со косою,
 Чшо со дѣвичей кросотою,
 Свѣшъ Марья Пешровна.

20.

(Поюшъ въ день свадьбы).

Ахъ, шы выйди, сударь башюшка,
 Свѣшъ Никиша Васильевичъ,

* Это относится къ свахѣ невѣстиной.

За воропички широкія,
 За вереюшки дубовыя.
 Припади, мой сударь башюшка,
 Ты ко машушкѣ, ко сырой землѣ;
 Ты послушай, мой сударь башюшка,
 Не дрожишъ-ли машь сыра земля?
 Чшо не слышно-ли конскаго попошу,
 Молодецкаго посвисшу?
 Чшо не ѣдешъ-ли мой-шо суженый,
 Чшо не ѣдешъ-ли мой-шо ряженный,
 Свѣшъ Гаврила Ивановичъ,
 Со своимъ-ли крупнымъ поѣздомъ,
 Еще тысяцкій со боярами,
 Княжая сващинька съ подсвапьями.

21.

Свѣшъ Агафьюшка
 Со двора съѣзжала, съѣзжала,
 Свѣшъ Павловна со широка съѣзжала,
 Со груши вершиночку сломала:
 Ты живи, сударь башюшка,
 Безъ своей любезной дочери.

22.

Какъ не ласпочка пропу пропила,
 Не касая дорожкой шла, эй, эй.
 Какъ не бѣлый горноспай проскакалъ, эй, эй.
 Проскакали прои дубовы сани, эй, эй.
 А чешвершыя со вырѣзами, эй, эй.
 Какъ во саночкахъ лежаночка споишъ, эй, эй.

Во лежаночкѣ Иванушка лежишъ, эй, эй.
 На гору конь упираешся,
 Подъ гору конь разбѣгаешся, эй, эй.
 Объ калину расшибаешся,
 На калинѣ соловей пшица сидишъ, эй, эй.
 Горьку ягоду калинушку клюешъ,
 Онъ малинушкой прикусываешъ, эй, эй.
 На всѣ стороны поглядываешъ,
 Чшо на всѣ-ли на чешыре стороны, эй, эй.
 Ужъ шы пой, воспѣвай соловей,
 При печали ушѣшай молодца, эй, эй.
 При кручинѣ красну дѣвицу душу, эй, эй.
 Соловей во всю ночь просвиспалъ,
 Молодецъ во всю ночь не спалъ,
 Все во золошы цымбалы проигралъ,
 Все душу красну дѣвицу ушѣшалъ.

СЛОВАРЬ

УПОТРЕБЛЯЕМЫХЪ ВЪ СИБИРИ СЛОВЪ И ВЫРАЖЕНІЙ (ПРОВИНЦІАЛИЗМОВЪ).

Баба, столбъ у колодца.

Байдара, лодка Американцевъ, въ кошорой сидяшъ два
и при человѣка.

Бакга чаю, фуншъ чаю.

Барловина, осенняя лучшей дикой козы шкура.

Бастрыкъ, рычагъ и толстая палка.

Безмѣнъ, вѣсъ въ два фунша съ половиною.

Братанъ, двоюродный брашъ; шакже называютъ дво-
юроднаго брата *сроднымъ*.

Буранъ, сильный вѣшеръ съ порывомъ.

Бурдукъ, жидкій, горячій кисель.

Бусъ, мѣлкій дождь.

Варнакъ, преступникъ, наказанный и клейменный; но
шакъ называютъ ихъ черный народъ; болѣе называ-
ютъ ихъ *несчастными*.

Вечёрка, вечеринка.

Вожси, лоцманы или вожапые при опасныхъ мѣстахъ и порогахъ.

Гайно, куча хламу всякаго и также гнѣздо бѣлки, гдѣ у нея бываешъ нашаскано множество сору и вѣшвей.

Гайтанъ, шнурокъ тонкій; также серебряная плоская цѣпочка, на кошоройносяшъ кресшъ.

Галешникъ, самый мѣлкій булыжникъ.

Гаркатъ, кликашъ, вскрикивашъ.

Горбуша, коса на подобіе серпа; только ручка у нея гораздо больше: аршина въ полшора. Косяшъ горбушей размахивая въ обѣ стороны, и она болѣе въ употребленіи; но косишъ ею не выгодно, пошому чшо она не можешъ сняшъ правы близко къ землѣ. Косы, какими въ Россіи косяшъ сѣно, называющся въ Сибири *литовками*.

Горбопысь, бѣлка, когда она линяешъ весною; тогда шерсшъ у нея красновашая. На бѣлкѣ, кошорая еще не совсѣмъ вылиняла, остающся красновашыя пашна, и когда попадающся шакія шкурки въ продажѣ, ихъ называющъ *горбопысь*.

Голбецъ, подмосшки къ палашамъ въ избахъ. Иногда голбецъ бываешъ закрышый со всѣхъ споронъ и съ дверями; въ немъ дѣлающъ ходъ въ *подполье*.

Гребеньщицы, женщины, кошорыя нанимающся гресши сѣно.

Гребтитъ, сердце вѣщуешъ, безпокоишся.

Гужиръ, солоновашая земля; ее много за Байкаломъ; шамъ кладушъ ее въ щелокъ, когда моюшъ бѣлье или полы.

Гуранъ, дикій козелъ.

Грядка, жердочка въ чуланъ, на кошорой вѣшаютъ плашье; ее называютъ и *пересовецъ*.

Даха, шуба козья вверхъ шерстью.

Дивно, много, довольно-таки.

Дѣжа, масперъ своего дѣла.

Доспѣть, сдѣлать.

Дошлый, проидоха, проныра.

Дресва, крупный песокъ.

Дрова кандовья, лучшія сосновыя и липвяничныя; мѣлкія дрова называются *мендовыми*.

Ереститься, ворчать, браниться пошохоньку.

Еретикъ, мершвецъ.

Жирникъ, плошка, налишая саломъ или рыбьимъ жиромъ, для освѣщенія въ избѣ.

Журавецъ, коромысло у колодца.

Завозня, сарай карешный.

Заилка, загородный домъ, или по-Малороссійски хуторъ.

Закаяться, опречься навсегда.

Запасъ, мука ржаная и пшеничная.

Заплотъ, заборъ кругомъ дома.

Зарѣдъ, скирдъ сѣна.

Затуранъ, мука пшеничная, поджареная въ коровьемъ маслѣ. Ее употребляютъ разводя чаемъ, или кипящею водою, съ прибавкой соли и молока. Эша смѣсь почищается лекарственною или очень здоровою.

Зимовье, кухня и людская, отдѣльныя отъ дому, или изба въ отдаленіи отъ всякаго жилья.

Зыбунъ, тряси́на или боло́то.

Зыбка, колыбель.

Изморозъ, гололедица, особливо во время замерзанія Ангары.

Изурочить, сглазить.

Ихиги, сапоги не на толстой подошвѣ и безъ подшивки.

Казенка, чуланъ.

Калаузъ, кожаный мѣшокъ для дороги.

Камлейки, особенный родъ плашья. Ихъ привозятъ изъ Америки, Камчатки, Зашиверска и Охоиска. Онѣ бывающъ изъ рыбьихъ или кишковыхъ кишекъ, и расшиты, изукрашены волосами и тонкими ремешками морскаго кошика. Еще бывающъ камлейки изъ оленьей или лосиной кожи, съ кошорой снята шерсть и кожа выдѣлана; онѣ немного ниже колѣна, иногда съ капишономъ, кошорый надѣвають на голову. Ихъ носятъ почти всѣ живущіе въ шѣхъ мѣстахъ Русскіе промышленники, потому что онѣ предохраняющъ отъ вѣтра и сырой погоды.

Канаться, признавашся, каяшся.

Карбазъ, большой плоскодонный паромъ или барка. Маленькіе *карбазы* называются *щитиками*.

Катушка, кашальная гора.

Кислица, красная смородина.

Кислы, сѣрая капуста, квашеная съ просѣянной ржаной мукой.

Клюка, кочерга.

Копоть, пыль.

Корга, ошлогій берегъ, покрышый мѣлкимъ камешникомъ.

Котицы, загородки изъ кольевъ; шакъ ловяшъ омулей въ осеннее время.

Кортоми, наемъ дома; нанимающій домъ, *кортомищикъ*.

Курьи, заливы въ рѣкахъ и озерахъ.

Куть, перегородка въ избѣ, гдѣ стряпающъ передъ печью; иногда она состояла изъ какой нибудь занавѣски, повѣшенной на жердочкѣ.

Лабашакъ, родъ азяма или халапа изъ верблюжьей шерсти; получающся ошъ Бухарцевъ.

Лагунъ, ушатъ съ двумя днами и гвоздемъ; въ нихъ держашъ квасъ и пиво.

Ладно, хорошо.

Латка, глиняная глубокая сковорода.

Ложкомойка, небольшая кадочка, въ кошорой моюшъ посуду.

Макса, попрохъ налима.

Марево, шуманъ.

Межеумокъ, узкій попоръ.

Мизгиръ, паукъ.

Молосное, скоромная пища.

Мореставъ, время замерзанія Байкала.

Мытница, женщина, кошорая моешъ полы.

Мухникъ, пирогъ изъ ржаного шѣсша, внутри посыпанный солью.

Мѣдяникъ, большой мѣдный горшекъ.

Мягкія, вообще пшеничные пироги, булки и шанъги.

Набирка, бурачекъ, особенно для ягодъ.

Наледь, вода сверху льда.

Наливашники, пирожки съ вареньемъ; *наливашники* маленькіе, бисквиты съ вареньемъ.

Наконечники, пришитые къ полощенцу, кружевные или вышитые концы.

Налистники, лепешки изъ жидкаго шѣспа, замѣшанные на простоквашѣ и сверху со смешаной. Ихъ пекутъ на капустныхъ листьяхъ.

На прокъ, на будущій годъ.

Нельма, бѣлорыбица.

Нерпы, тюлени; они естъ въ Байкалѣ. Между промышленниками естъ повѣрье, что когда поймають нерпу, то она плачетъ, и потому въ Иркутскѣ говорятъ: плачетъ, какъ нерпа.

Оболокаться, одѣваться.

Озойнѣй, огромный, большой.

Огоньки, боа изъ собольихъ хвостовъ.

Опришникъ, опсужденный (опричникъ).

Опружился, оступился, упалъ въ яму или въ воду.

Ошейникъ, галсхухъ изъ бѣличьихъ хвостовъ.

Падь, узкая долина между двухъ горъ.

Палы, пожары лѣсные. Когда горитъ лѣсъ, то говорятъ: *палы ходятъ*.

Парка, одежда жителей Якутска, Охотска и Камчатки, изъ разныхъ звѣриныхъ шкуръ, бобровъ, кошиковъ, куницъ, пыжиковъ, формою похожая на *калейку*, шерстью внизъ, а сверху окрашенная особенно красною краскою и обшитая бобромъ или кошикомъ.

Пельмени, по-же, что въ Россіи называютъ ушки. Ихъ дѣлають изъ макароннаго шѣсша, съ рубленой говядиной, также съ рыбой, съ грибами, замораживаютъ, и они превращаются въ камешки. Въ шакомъ видѣ берутъ ихъ въ дорогу (въ Сибири не бываешь опшепеней), и спобитъ опуснитъ пельмени въ кипящую воду, кушанье гошова, и очень вкусное.

Перстянки, перчашки.

Пестерь, большое лукошко, сплешеное изъ шонкихъ драничекъ или прущевъ.

Пилы, обшиные кожей войлочные кошы, или валенки.

Поваренка, уполовникъ, или чумичка.

Подполье, сухой погребъ подъ жильемъ.

Подживотникъ, шесма въ палець и въ два шириною.

Подплътъ, кухня, если она подъ жилыми комнашами.

Подпаль, молодая, не дорослая бѣлка; шкура у ней черная.

Подростокъ, дѣвочка или мальчикъ отъ 10 до 15 лѣтъ.

Подорожники, разные припасы на дорогу, крендели, булки.

Пожамкатъ, немного посширашь бѣлья.

Полазъ, длинный коверъ.

Полубогъе, бочка или боченокъ, перепиленный на двое; обѣ половины называются полубочьями.

Помогъ, работа общими силами нарочно приглашенныхъ, кошорыхъ послѣ этого угощаютъ.

Портище; прежде такъ называлась кишайка, извѣстная бумажная машерія, получаемая отъ Кишайцевъ; она свершывалась въ шрубки и называлась *портище*.

Порга, сглазь. *Поргею* называетъ просшой народъ всѣ непонятныя для него болѣзни.

Поскотина, огорожа для скоша подлѣ деревень.

Прикопотки, шерстяные носки.

Пропарина, полынья.

Прорва, узкое мѣсто на рѣкахъ, гдѣ можно проходишь судамъ.

Протока, проливъ рѣки.

Прошка, нюхальный шабакъ. Говоряшъ: «Онъ *пъетъ* прошку, или *ширкаетъ*,» то есть нюхаетъ шабакъ. Въ Охотскѣ, Якутскѣ, Камчаткѣ, Туземцы и даже Русскіе кладушъ въ рошъ лисья шабаку, и держашъ покуда высосушъ весь сокъ. Эшо называюшъ *лемешиною*, и говоряшъ: «Онъ кладешъ лемешину за губу.»

Пурга, вьюга или мешель.

Ровдуга, выдѣланная кожа оленя или лося.

Рѣкоставъ, время замерзанія рѣки.

Сахарники, бисквиты разныхъ видовъ.

Сестреницы, двоюродныя сестры.

Смолость, коровье вымя.

Сношенницы, жены двухъ брашьевъ родныхъ или двоюродныхъ.

Сокуй, ледяныя горы, копорыя набиваетъ на берега Байкала осенью.

Соръ или *сѳры*, мѣсца, гдѣ распешъ, болѣе въ заливахъ Байкала, права и проспникъ.

Сохатый, лось дикій.

Станокъ, почтовая станція.

Страда, жашва и время жашвы.

Срочный, работникъ, наняшой на срокъ.

Струганина, мерзлая рыба, наспроганная ножемъ.

Это любимое кушанье жителей Якутска, Охотска и Камчатки.

Стружекъ, легкая съ оспрыми концами лодка, не поднимающая болѣе трехъ человѣкъ.

Стряпка, кухарка.

Судомойка, мочалка.

Суллой, сырой кисель.

Съмятко-дитятко! Упошребительное ласковое слово спарушекъ съ дѣтьми.

Таросья, большія льдины при замерзаніи Ангары. По нимъ спарики угадываютъ, плодородный-ли будетъ годъ: если много *таросьевъ*, то много будетъ хлѣба.

Толкунцы, шпормы на Байкалѣ.

Трапезникъ, спорожъ и прислужникъ церковный. По Воскресеньямъ онъ ходитъ въ дома прихожанъ, съ кузовомъ за плечами, говоря: «Трапезнику *мяконь-каго*» (пшеничнаго). Въ Воскресенье почти вездѣ пекутъ булки и пироги, и въ каждомъ домѣ дають ему пирогъ или булку.

Тулунъ, мѣшокъ кожаный изъ выдѣланной кожи.

Турсукъ, кузовъ изъ бересшы; въ нихъ привозятъ ягоды, особенно бруснику съ Лены.

Уловы, глубокія ямы въ рѣкахъ, гдѣ вода вершился какъ въ воронкѣ.

Унты, сапоги изъ *барловины*, шерстью внизъ, безъ поднаряду; для крѣпкости ихъ обшиваютъ внизу кожей.

Уроситъ, говоряшъ, когда ребенокъ упрямится; шо-же и о лошади, когда она ршачится.

Усолъе, соляной заводъ, соловарня.

Ушканъ, заяцъ.

Хворосты, родъ пирожного. Ихъ дѣлаюшъ о масляницѣ, изъ крупичашой муки и свѣжихъ яицъ; рассучивши шонко шѣсно, вырѣзываютъ рѣзцомъ разныя фигуры и жарятъ въ маслѣ.

Хлебальникъ, большой пирогъ изъ сдобнаго шѣсна, съ рубленой морковью или капустой и рублеными яйцами. Пирогъ съ рубленой говядиной называютъ *росольникъ*.

Хрушко, что нибудь крупно исполченное.

Цыбикъ, ящикъ или *мѣсто* чаю байховаго или кирпичнаго.

Цъпня, бадья у колодца.

Чалпанъ, кожаный мѣшокъ, въ который Буряты наливаютъ масло.

Чаркы, кожаные копы, обувь чернаго народа.

Чебакъ, теплая шапка съ ушами; иногда бываетъ у нея назади лоскушъ, уши поднимаются къ верху и завязываются лентой; но тогда эту шапку называютъ *малахай*.

Чеча, говоряшъ дѣшамъ, когда показываютъ какую игрушку.

Шанъга, толстая лепешка, помазаная сверху шворогомъ или смешаной.

Шестокъ, мѣсно подъ лавкою, гдѣ зимою держатъ куръ, загороженное рѣшеткою.

Шиверы, подводные камни или косы, которые почти
выказываются изъ воды.

Ширить, зашивать въ кожи товары, отправляемые
въ дальнюю дорогу. Въ Иркутскѣ и Кяхтѣ есть
на это особенные мастера; ихъ называютъ *ширь-*
щики.

Шуга, мѣлкій ледъ по рѣкѣ.

Щеки, каменные горы по обѣимъ сторонамъ рѣки
или дороги.

Щепетко, хорошо.

Эка втора! междометіе, выражающее сожалѣніе или
удивленіе.

Ядрёный, здоровый, крѣпкій.

Яманъ, козелъ.

Ямануха, коза.

Еще не такъ давно въ Иркутскѣ угощенія совершенно напоминали старую Русь. Для званныхъ обѣдовъ готовили множество кушаньевъ, блюдъ 30 и болѣе. На столъ ставили пиво, квасъ, медъ, вино; наливки обносили послѣ. Порядокъ блюдъ былъ слѣдующій: сначала подавали холодныя, потомъ супъ и щи, за тѣмъ соусы, жаркое и пирожное. Столъ уставляли холодными блюдами и пирожнымъ. Чаши съ супомъ и щами подавали на столъ, и кто нибудь изъ знакомыхъ разливалъ. Холодныя, которыя ставили на столъ: окорокъ вѣшчины цѣлый; косць у него обвишамѣлко высприженною бумагою и завязана ленточкою; окорокъ свѣжей свинины или бужанины, украшенный такимъ-же образомъ; поросенокъ, обсыпанный яйцами; курицы, тоже обсыпанныя яйцами; гуси, обложенные солеными огурцами и обсыпанные зеленью; ушки, украшенные такимъ-же образомъ. Дичина, шеперки, глу-

хіе шеперевы, обложенные лимонами. Къ холоднымъ блюдамъ подавали лимонный сокъ, уксусъ и горчицу. Къ супу и шамъ подавали пирожки, болѣе жареные въ маслѣ; ихъ называли *спускными*. Соусы подавали сначала кислые, потомъ сладкіе: съ говядиной, въ видѣ небольшихъ круглыхъ коплешъ, съ лукомъ красный; съ почками то-же красный, кислый; съ курицей бѣлый соусъ. Соусы съ гусемъ, ушками и языкомъ дѣлались красные, сладкіе, съ изюмомъ, черносливомъ и миндалемъ; соусы съ дичиной кислые, красные; пашетъ слоеный. Пшеникъ, въ соусникъ запеченный, съ яицами и сахаромъ. Жаркія всѣхъ родовъ подавались каждое розно. Къ жаркому огурцы соленые, огурчики въ шывѣ, грузди и рыжики соленые, капуста свѣжая шинкованная, лѣтомъ зеленый салатъ, арбузы и дыни соленые. Пирожныя: пирогъ сладкій, слоеный; торты разными манерами, слоенныя: ихъ называли *тарки*; вафли, кольца, кудри, спружки, пружки, розочки, наливашники двухъ сортовъ; бисквиты; большой бисквитъ, испеченный въ каспрюлѣ; миндальное разное, въ формахъ печеное, кресшиками, съ вареньемъ; желе и бланманже.

Въ посшы также гошовили много кушаньевъ: разная рыба, холодныя, жаркія; въ соусахъ порядокъ соблюдали то-же, лишь съ нѣмъ различіемъ, что напередъ подавалась икра осепровая, потомъ кулебяка пребольшая, иногда въ аршинъ, съ осеприною, подсыпанною вязигою. Еще въ числѣ жаркихъ одно сославлялось изъ рыбы. Тѣло рыбы полкли въ шѣсто, средину начинивали вязигой съ фаршемъ и жарили въ

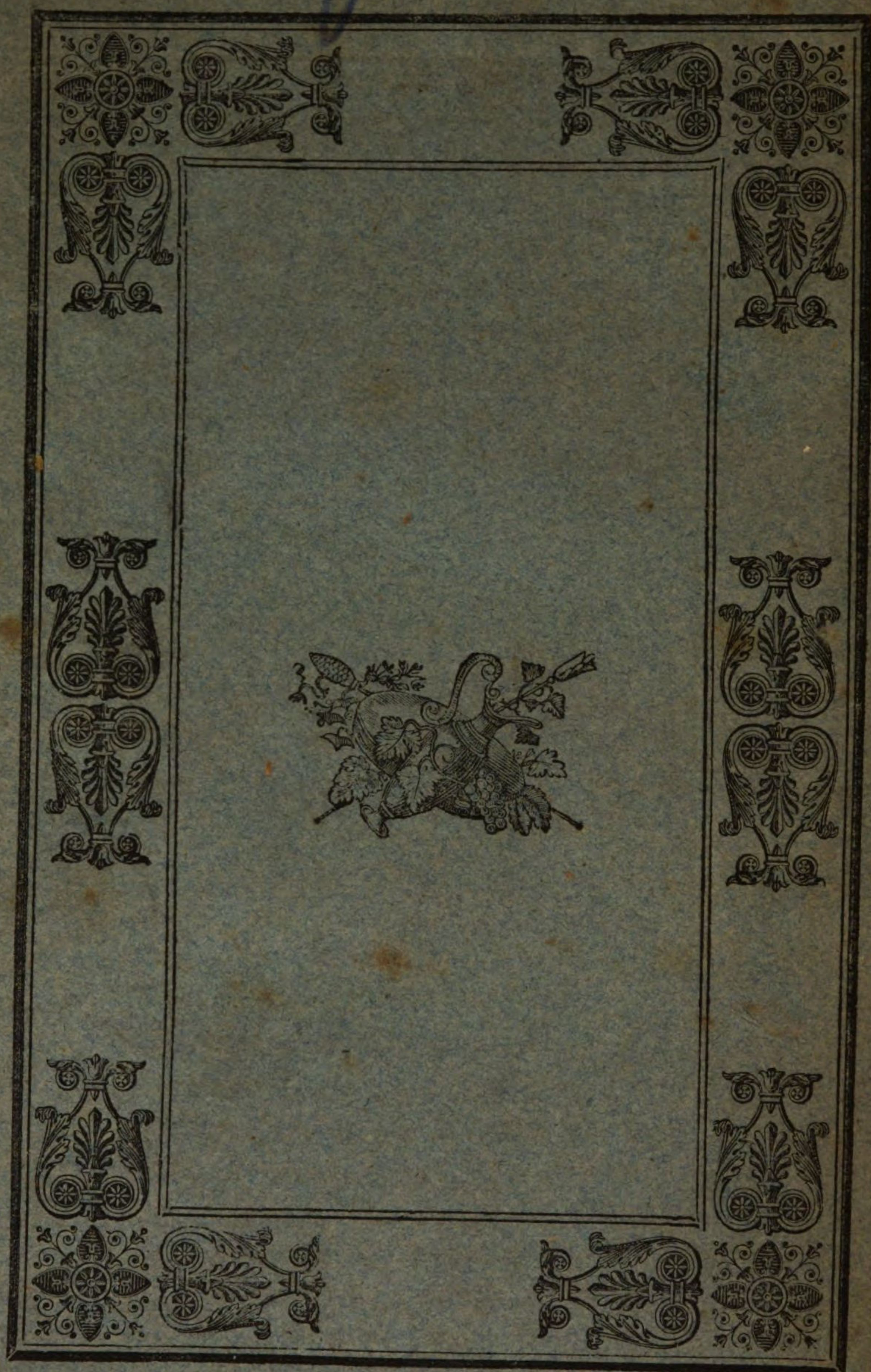
маслѣ. Это блюдо называлось *кругое тѣльное*, и чѣмъ больше кулебяка и тѣльное, тѣмъ лучше. Пирожныхъ дѣлалось также множество.

БИБЛИОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

К О Н Е Ц Ъ

Bayerische
Staatsbibliothek
MÜNCHEN

АНТИКВАРНАЯ ==
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
В. И. КЛОЧКОВА. ==
СПБ., ЛИТЕЙНЫЙ 55.

A. FRANK
Buchbindermeister
München 42
Langbehrstr. 16a

Avděeva, Ekaterina A.

Zapiski i zaměčanija o Sibiri s pril. starinnych russ. pësen

Moskva 1837

H.as. 4580 v

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10434021-9